

Л. Б. МОДЗАЛЕВСКИЙ

ЛОМОНОСОВ И ЕГО УЧЕНИК ПОПОВСКИЙ

(О литературной преемственности)

Николай Никитич Поповский в истории русской литературы и просвещения занимает скромное место,¹ а между тем он давно уже заслуживает специального изучения не только как первый профессор словесности Московского университета и первый русский магистр философии, но и как любимый ученик Ломоно-

¹ Его имя не упоминается даже в «Литературной энциклопедии». Биографии Поповского кратки и основаны преимущественно на «Опыте исторического словаря» Н. И. Новикова 1772 года. Даем перечень основных источников:

1) S t a d a. Ephémérides Russes, poétiques, littéraires, historiques et nécrologiques, t. Saint Pétersbourg, 1816, стр. 199—201; 2) Н. И. Г р е ч. Опыт краткой истории русской литературы. СПб., 1822, стр. 177—178; 3) Д. Н. Бантыш-Каменский. Словарь достопамятных людей русской земли, ч. IV, М., 1836, стр. 170—172; 4) Митрополит Евгений. Словарь русских светских писателей, т. II, М., 1845, стр. 131—132; 5) С. К. Смирнов. История Московской славяно-греко-латинской академии. М., 1855, стр. 253; 6) С. П. Шевырев. История императорского Московского университета, М., 1855, стр. 30 (в дальнейшем цитируется сокращенно: С. П. Шевырев. История); 7) С. П. Шевырев. Биографический словарь профессоров и преподавателей императорского Московского университета, ч. II, М., 1855, стр. 305—320 (в дальнейшем цитируется сокращенно: С. П. Шевырев. Словарь; то же: С. А. Венгеров. Русская поэзия, т. I, СПб., 1897, стр. 815—818 и 332—333 в примечаниях); 8) Филарет (Гумилевский). Обзор русской духовной литературы, кн. II. Изд. 3-е, СПб., 1884, стр. 327—328; 9) А. В. Арсеньев. Словарь писателей среднего и нового периодов русской литературы XVII—XIX века. СПб., 1887, стр. 54—55; 10) В. Е. Рудаков. Энциклопедический словарь Брокгауза—Ефрона, т. 24, СПб., 1898, стр. 555; 11) В. Якушкин. Из первых лет жизни Московского университета. «Русский филологический вестник», 1902, № 3—4, стр. 156—158, 162—163; 12) В. Строев. Русский биографический словарь, том «Плавильщиков — Примо», СПб., 1905, стр. 509—510. Кроме того, Поповскому отведено место в курсах истории русской литературы: А. Д. Галахов. История

сова в элоквенции в широком смысле этого слова. Насколько Поповский был дорог Ломоносову как ученик видно из того, например, что в конце 1763 года, подводя некоторые итоги своей научной деятельности, Ломоносов через три года после смерти Поповского отмечал в своей «Росписи сочинениям и другим трудам советника Ломоносова»: «Читал лекции стихотворческие, и по оным обучился поэзии студент Поповский, который после того был профессором красноречия в Московском университете»,² т. е. из всех своих учеников (среди которых были А. Л. Дубровский, А. А. Барсов, И. С. Барков, Б. А. Волков и др.) он счел возможным отметить лишь одного Поповского.

Цель настоящей работы и заключается в том, чтобы проследить на фоне еще мало изученной биографии Поповского основные этапы его творческого пути как студента Академического университета и как талантливого поэта — ученика Ломоносова, суммировать накопившийся к нашему времени опубликованный и неизданный материал по этому вопросу, а также показать значение Поповского как поэта — преемника Ломоносова и его художественно-эстетической системы. С другой стороны, это дает возможность осветить некоторые неизвестные стороны деятельности самого Ломоносова, важные для понимания его многогранной личности. Работа эта идет также навстречу тезису, высказанному А. И. Андреевым в его статье «Ломоносов и Крашенинников»: «Биографы Ломоносова мало останавливались на тех отношениях, которые существовали у него с русскими учеными и научными работниками, трудившимися в Академии наук в те же годы, когда там был Ломоносов. Между тем выяснение этих отношений представляет несомненный интерес, так как может показать, какие же русские силы уже тогда противостояли тем многочисленным „иностранцам“, которыми в массе своей был представлен „академический корпус“, и дасть материал

русской словесности древней и новой, т. I, СПб., 1863, стр. 363—364; П. Н. Полевой. История русской словесности, т. I, СПб., 1903, стр. 629—630; А. Н. Пыпин. История русской литературы, т. IV. Изд. 4-е, СПб., 1903, стр. 19, 103—104 и 118; И. Порфирьев. История русской словесности, ч. II, отд. I. Изд. 5-е, Казань, 1907, стр. 286—289; Д. Д. Благой. История русской литературы XVIII века. М., 1945, стр. 152—153. Мы не упоминаем специальных библиографических пособий Г. Н. Геннади, А. В. Мезиер, В. И. Межова, С. А. Венгерова и другие источники, в которых содержатся чисто библиографические сведения о Поповском.

² Посланной при письме к гр. М. И. Воронцову от 19 января 1764 года (ААН, ф. 20, оп. 3, № 134, лл. 56—59).

для суждения о долголетних попытках Ломоносова объединить всех „природных русских“ в его борьбе с реакционными элементами в Академии наук».³

Н. Н. Поповский⁴ принадлежит к числу тех «природных» русских студентов Академического университета третьего призыва, которые были вывезены в 1748 году из Московской славяно-греко-латинской академии академиком В. К. Тредиаковским согласно распоряжению Академии наук для пополнения состава Академического университета.⁵

В конце марта 1748 года Тредиаковский приехал в Москву и здесь в названной Академии отобрал 10 учеников «преимущественно из детей разночинцев».⁶ Среди отобранных оказались: А. А. Барсов, 19 лет; П. Добротворский, 24 л.; Н. Н. Поповский, 22 л.; Л. Соловьев, 21 года; Ф. К. Соколов, 16 л. и Б. А. Волков, 16 л.;⁷ П. И. Введенский, 23 л.; И. Ф. Фрязин, 25 л.; В. И. Клементьев, 16 л. и А. Л. Дубровский, 15 л.⁸ Пер-

³ «Ломоносов», сборник статей и материалов, под ред. А. И. Андреева и Л. Б. Модзалевского, Л., 1940, стр. 286.

⁴ Точная дата его рождения неизвестна. По одним показаниям он родился в 1730 году, а по другим — в 1726 году. Первое, однако, более соответствует истине, так как он умер в 1760 году, едва достигнув тридцатилетнего возраста.

⁵ П. П. Пекарский. Редактор, сотрудники и цензура в русском журнале 1755—1764 годов, СПб., 1867, стр. 30—31 (в дальнейшем цитируется сокращенно: П. П. Пекарский. Редактор); П. П. Пекарский. История императорской Академии наук в Петербурге, т. II. СПб., 1873, стр. 123 (в дальнейшем цитируется сокращенно: П. П. Пекарский, т. II); А. А. Васильчиков. Семейство Разумовских, т. I. СПб., 1880, стр. 87; Д. А. Толстой. Академический университет в XVIII столетии. СПб., 1885, стр. 18—19; А. К. Бороздин. Академический университет в XVIII веке. «Исторический вестник», 1886, № 4, стр. 124—125. Инициатива вызова учеников для Академической гимназии из школ и монастырей принадлежит Ломоносову. См. его представление об этом в Канцелярию Академии наук, 28 апреля 1746 г., опубликованное у М. И. Сухомлинова в его «Истории Российской академии» (вып. II, СПб., 1875, стр. 408—409); ср.: Л. Б. Модзалевский. Рукописи Ломоносова в Академии наук СССР. Л., 1937, стр. 209, № 700.

⁶ С. К. Смирнов. История Московской академии. М., 1855, стр. 238—239; 253; ср.: М. И. Сухомлинов. История Российской академии, вып. IV, СПб., 1878, стр. 189; Д. А. Толстой. Академический университет в XVIII столетии, стр. 18.

⁷ См. составленную и подписанную В. К. Тредиаковским 24 марта 1748 года «Роспись выбранным в Москве студентам первого отпуску» в «Материалах для истории императорской Академии наук» (т. IX, СПб., 1897, стр. 124—125). В дальнейшем это издание цитируется кратко: «Материалы».

⁸ Материалы, т. IX, стр. 129.

вые шесть учеников (кроме А. Барсова) выехали из Москвы 24 марта,⁹ а остальные — 26 марта.¹⁰ В рапорте в Академию наук 24 марта Третьяковский сообщил о Поповском: «Николай Поповский, москвитин, церковничей сын, а отроду ему двадцать два года».¹¹ Учитель философии в Московской Академии иеромонах Константин дал своим ученикам 22 марта «в рассуждении их добронравия» такой аттестат: «В Санктпетербургскую ея императорского величества Академию выбранные ученики из Московской академии, школы философии Петр Добротворский, Николай Поповский, Антон Барсов и Леонтий Соловьев обучались во оной школе чрез полгода и, сколько можно было усмотреть чрез оное время в состоянии своем не явились подозрительны».¹² В. К. Третьяковский в рапорте из Москвы 26 марта дополнительно сообщил, что «впрочем, все вообще московские студенты пошлое получили искусство в латинском языке».¹³ Пока ученики находились в дороге, в Академии наук велено было особым указом Историческому собранию подготовиться к чтению новым студентам лекций, которые должны были начаться 18 апреля 1748 года. С этой целью Канцелярия Академии наук 29 марта распорядилась через конференц-секретаря академика Штрубе-де-Пирмонта «академиков, а именно: Виндгейма, Рихмана, Ломоносова и Бургава в помянутое собрание призвать, чтоб обще с профессорами оное дело в совершенство привести и лекции и часы так расположить, дабы всем потребным наукам учить».¹⁴ Сообразно с этим 31 марта и состоялось «в присутствии господ профессоров Миллера, Виндгейма, Лероя, Штелина, Штруба, Ломоносова, Крузиуса, Фишера и Брауна» заседание Исторического собрания, на котором были намечены примерные планы будущих лекций. К этому времени ученики прибыли в Петербург и, как отмечено в том же протоколе, «господа профессора Ломоносов, Фишер и Браун свидетельствовали вышереченных студентов¹⁵ и по свидетельстве усмотрели, что 17 из них в гуманиорах и школьной философии

⁹ Там же, стр. 124.

¹⁰ Там же, стр. 129.

¹¹ Там же, стр. 124. По утверждению Я. Я. Штелина Поповский был по происхождению украинец (Н. С. Тихонравов. Сочинения, т. III, ч. 2, М., 1898, стр. 75).

¹² Материалы, т. IX, стр. 115.

¹³ П. П. Пекарский. Редактор, стр. 32 (отрывок); Материалы, т. IX, стр. 129 (полностью).

¹⁴ Материалы, т. IX, стр. 141.

¹⁵ Среди них был и Н. Н. Поповский. Кроме приехавших из Москвы, свидетельствованы были и другие ученики, принятые из Новгородской и Александровской семинарий.

о чистоте штиля, здравейшей философии и математике допущены довольный успех имеют, так что оные на академические лекции быть могут, а двух из них, а именно: Василья Клементьева и Андреяна Дубровского, послать на несколько времени в академическую гимназию латинскому языку учиться».¹⁶ Н. Н. Поповскому и другим его товарищам с 1 апреля было назначено жалованье по 48 рублей на год и выдано «для исправления их нужд и содержания в пище» на апрель каждому по 4 рубля.¹⁷ В июне последовал указ Канцелярии АН о приведении всех новоприбывших студентов к присяге.¹⁸ 19 апреля Канцелярия Академии наук утвердила следующий план лекций новым студентам: «Тредиаковскому — учить латинской элоквенции, Крузиусу — толковать латинских авторов, древности и чистоте штиля, а притом бы и лекции о истории литеральной давать, Фишеру — универсальной истории и хронологии, Броуну давать курс философский, Рихману — математический, Винцгейму — на обсерватории показывать охотникам руководство к астрономии и географии, Бургаву читать курс анатомический, Ломоносову — химический, адъюнкту Крашенинникову учить истории натуральной и ботанике, профессору Штрубу изъяснять натуральные и народные права».¹⁹ Однако начало лекций было отложено «для худого проходу чрез реку», и 11 мая Канцелярия АН постановила лекции начать 15 мая двум профессорам: Тредиаковскому и Крузиусу, первому «о штиле и чистоте латинского языка», а второму «начать толковать авторов классических и историю литеральную, соединяя с древностями».²⁰

Для уяснения вопроса о степени подготовленности Н. Н. Поповского как ценимого впоследствии переводчика латинских авторов и профессора красноречия следует подробнее остановиться на рапорте Х. Крузиуса от 13 мая, в котором последний излагал содержание своего курса лекций: «По понедельникам и вторникам слушателям толковать буду Салустия, по средам задавать буду для сочинения задачи и сделанные поправлять стану, по четверткам и пятницам изъяснять буду Горациевы Письма и Виргилиевы Еклоги. По окончании Салустия, из Цицерона, Лелия и Катона, потом выбранные его письма,

¹⁶ П. П. Пекарский. Редактор, стр. 32 (отрывок); Материалы, т. IX, стр. 145 (полностью).

¹⁷ Материалы, т. IX, стр. 147; ср. т. X, СПб., 1900, стр. 278 — о жаловании в течение 1750 года.

¹⁸ ААН, ф. 3, оп. 9, № 14.

¹⁹ Материалы, т. IX, стр. 156; Д. А. Толстой. Академический университет, стр. 19—20.

²⁰ Материалы, т. IX, стр. 199; Д. А. Толстой, ук. соч., стр. 20—21

а наконец некоторые философские его ж книги толковать стану, Горациевы Оды, а Virgiliевы Георгики. Что касается до познания древностей и до правил красивой речи, то оное показывать буду как при толковании, так и при делаемых слушателями сочинениях, також и истории литеральной некоторые главы, а паче, что к гуманиорам прилично покажется и поколику в пользу слушателей служить может, кратко предлагать буду, до тех пор, пока научившимся им другой науке совершенное оное познание по Гейманову краткому описанию показывать можно будет».²¹ Такое же значение имеет и план лекций В. К. Тредиаковского, у которого Поповский начал слушать лекции почти одновременно с лекциями Х. Крузиуса. 18 мая Тредиаковский представил доношение в Канцелярию АН, в котором писал: «1) Истолюкую моим слушателям Целлариеву латинскую Ортографию, которую с сим текущим маием месяцем окончить имею. 2) С самого начала июня месяца начну им диктовать Гейннекциевы Основания стила; а сие продолжать имею чрез весь год. . . 3) С начала октября по генварь будущего 1749 года, в каждый пяток. . . имею им читать по одному панегирику из оных (латинских историков), которые сочинены Мамертином, Евмением, Назарием, Авзонием и Пакатом, иногда ж вместо сих панегириков по Цицероновой орации, или иногда по Муретовой».²²

Трудные бытовые условия жизни студентов²³ не способствовали, однако, их занятиям, они мало ходили на лекции, и Канцелярия АН 12 ноября 1748 года вынуждена была издать распоряжение, которым повелевалось им неукоснительно присутствовать на лекциях «под опасением положенного штрафа по генеральному регламенту».²⁴ К концу 1748 года ректор Университета Г. Ф. Миллер смог уже на основании характеристик профессоров дать о студентах свое заключение, из которого видно, что Н. Н. Поповский у Г. В. Рихмана на математических лекциях значился среди «средних» студентов, у В. К. Тредиаковского — среди «первых, лучшего класса» по «латинскому штилю» и «элоквенции», у Х. Крузиуса — среди лучших «в толковании древних латинских авторов», у И. Э. Фишера — также среди лучших «по истории ветхого завета» (из первых двух частей предмета). В итоге Миллер отметил, что Поповский

²¹ Материалы, т. IX, стр. 205—206; ср.: П. П. Пекарский. Редактор, стр. 32.

²² Материалы, т. IX, стр. 214—215.

²³ Там же, стр. 483—484, 527—528 и др.; т. X, СПб., 1900, стр. 206—207; ср.: Д. А. Толстой, ук. соч., стр. 22—26.

²⁴ Материалы, т. IX, стр. 543.

и некоторые другие его товарищи «похваляются между лучшими», именно у В. К. Третьяковского и Х. Крузиуса, в то время как «у господина профессора Рихмана между средними и худыми место занимают».²⁵ Таким образом, уже в первый год обучения в Университете Поповский имел особенное призвание к филологии как русской, так и классической.²⁶ К сожалению, сведений об успехах Н. Н. Поповского за 1749 год не сохранилось. Это объясняется, очевидно, тем, что полная программа лекций не была выполнена: в феврале 1749 года были прекращены лекции В. К. Третьяковского для того, чтобы студентам дать более времени для занятий новыми иностранными языками; в апреле был уволен из Академии профессор Х. Крузиус, а лекции элоквенции хотя и были поручены тогда же читать И. Э. Фишеру, но он, занятый административными делами по Университету, к ним не приступил.²⁷

С 29 января по 8 февраля 1750 года происходил экзамен всем студентам в присутствии асессора Г. Н. Теплова и профессоров Г. Ф. Миллера, Г. В. Рихмана, И. Э. Фишера и И. А. Брауна, причем о каждом студенте было вынесено особое мнение, записанное Г. Ф. Миллером 12 февраля. В этом мнении о Поповском говорится следующее: «Николай Поповский — в математике и философии имеет успех посредственной, а впредь о нем не без надежды, ибо он понятие имеет и показывает немалое прилежание; разумеет Юлия Цезаря посредственно. Он переводит нечто по-русски и потом по-латински чисто и хорошо». О всех студентах добавлено: «Все читают по-французски и по-немецки».²⁸ Тогда-то инспектор студентов проф. И. Э. Фишер доносил в Канцелярию АН специально «о нравах и понятиях студентов», причем, сравнивая Поповского с студентом Леонтием Соловьевым, который вел беспутный образ жизни, сообщал, что «товарищ его и друг Николай Попов <sic> поступает несколько осторожнее».²⁹

²⁵ Рапорт Г. Ф. Миллера в Канцелярию АН 20 декабря 1748 года (Материалы, т. IX, стр. 615—618; ААН, ф. 3, оп. 1, № 124, лл. 540—559; там же, лл. 550—558, отзывы профессоров); ср. отзыв И. Э. Фишера 19 октября 1749 года в книге: П. П. Пекарский. Редактор, стр. 33.

²⁶ В «Реестре книг, которые хотят студенты взять из Книжной лавки в свою пользу», в 1749 году, например, значится, что Поповский отобрал себе следующие книги: «Cornelium Nepotem. Julium Caesarem. Cranzii Hist Fabri Thesaurum Neumannum (ААН, ф. 21, оп. 1, № 101, л. 61).

²⁷ Д. А. Толстой, ук. соч., стр. 21.

²⁸ Материалы, т. X, СПб., 1900, стр. 297 и 300; ср.: П. П. Пекарский. Редактор, стр. 33; ААН, ф. 21, оп. 1, № 101, лл. 220—220 об.

²⁹ Материалы, т. X, стр. 305.

В составленном 5 мая 1750 года списке студентов, «которые по своей охоте и склонности избрали науки, которым и обучаться желают», значится, что Поповский «желает обучаться философии».³⁰

В течение 1750 года лекций в Университете было очень мало, профессора часто пропускали их, о чем в октябре 1750 года новый ректор Университета акад. С. П. Крашенинников сообщал в Канцелярию АН.³¹ Никакой специальной программы лекций не было. Студенты занимались главным образом изучением иностранных языков и брали уроки танцев.³² Сохранилась также записка Поповского к ректору Университета от 21 мая 1750 года о том, что он согласен на основании его предложения обучать арифметике «обретающихся в гимназии учеников».³³

С 29 мая по 4 июня 1751 года специальная комиссия в составе академиков Ф. Г. Штрубе де Пирмонта, Г. В. Рихмана, М. В. Ломоносова, И. Э. Фишера, И. А. Брауна, Х. Г. Кратценштейна, С. П. Крашенинникова, А. Н. Гришова и Н. И. Попова вновь экзаменовала студентов и представила свое «мнение об успехах в науках» студентов, которые подверглись «освидетельствованию». Комиссия признала достойными звания адъюнктов шестерых студентов: М. Софронова, Братковского, С. Румовского, А. Барсова, Н. Поповского и Ф. Яремского, причем Поповскому дала следующий отзыв: «5. Николай Поповский в физике и математике не весьма много упражнялся, в словесных и философских науках такой опыт искусства оказал, что на все вопросы изрядно отвечивал, а сверх того сообщил своего сочинения стихи на российском и латинском языках, которые с немалою его похвалою читаны».³⁴ В словесных науках и философии далее простирается желает, которые по нашему рассуждению надлежит ему продолжить таким образом, чтобы со временем быть стихотворцем или оратором Академии, 21 год». Однако правитель Канцелярии И. Д. Шумахер подал особое мнение, полагая, что прежде студенты должны представить диссертации, которые они должны были защитить на публичном диспуте. Что же касается Поповского, то Шумахер наметил следующее: «Студентам первого класса... Николаю Поповскому принимать наставления от господина советника и профессора Ломоносова». Все материалы по экзамену студентов были посланы 4 июля 1751 года президенту АН гр. К. Г. Разу-

³⁰ ААН, ф. 21, оп. 1, № 101, л. 203.

³¹ Д. А. Толстой, ук. соч., стр. 34.

³² Там же, стр. 40—41.

³³ ААН, ф. 3, оп. 1, № 144, л. 205.

³⁴ Эти стихи неизвестны и в бумагах Канцелярии АН отсутствуют.

мовскому.³⁵ Мнение И. Д. Шумахера восторжествовало, и на основании распоряжения президента от 30 августа Поповский был отдан «на выучку» к Ломоносову, который начал читать ему «стихотворческие лекции». По указу Канцелярии АН 9 ноября 1751 года Поповскому и другим студентам с 1 августа по 1 ноября было выплачено «прибавочное жалованье» по 1 рублю в месяц.³⁶

В 1751 году начались те «стихотворческие лекции» Ломоносова, о которых он говорит в конце 1763 года.³⁷ Специально «для наставления в поэзии» ему был поручен Поповский ордером президента 30 августа этого года.³⁸ Лекции читались им частным образом и безвозмездно. По-видимому, Ломоносову были поручены и другие студенты, так как, делая в 1757 году отчет о своих трудах «в словесных науках», он отмечал, что в течение 1751 года «давал приватные лекции студентам в российском стихотворстве, а особливо Поповскому, который ныне профессором; диктовал студентам сочиненное мною начало третьей книги красноречия о стихотворстве вообще».³⁹ Следует подчеркнуть, что Поповскому лекции читались «особливо», т. е. занимался с ним Ломоносов особенно много и обращал на него особенное внимание. Такое отношение к Поповскому со стороны Ломоносова, несомненно, вызывалось не только официальным поручением, но и исключительными способностями молодого студента. Ломоносов хотел видеть в нем своего ученика, подававшего большие надежды. Еще в мае 1751 года Ломоносов послал И. И. Шувалову первое стихотворение Поповского, эклогу, под заглавием: «Зима», со следующей характеристикой: «Я в ней не поправил ни единого слова, но какову он прошедшей зимы дал, так к вам и вручить честь имею».⁴⁰ Таким образом,

³⁵ Донесение акад. С. П. Крашенинникова в Канцелярию АН об этих экзаменах помечено 19 июня 1751 года (ААН, ф. 3, оп. 1, № 153, лл. 324—333 и ф. 3, оп. 9, № 17); П. П. Пекарский. Редактор, стр. 34.

³⁶ ААН, ф. 3, оп. 1, № 153, л. 347.

³⁷ См. выше, стр. 112.

³⁸ П. С. Билярский. Материалы для биографии Ломоносова. Изд. АН, СПб., 1865, стр. 190. (В дальнейшем цитируется кратко: Билярский). Ордер Ломоносову И. Д. Шумахера с возложением на него этих обязанностей помечен лишь 31 октября 1751 года (ААН, ф. 3, оп. 1, № 153, л. 339 отпуск).

³⁹ Билярский, стр. 163; П. П. Пекарский, т. II, стр. 466.

⁴⁰ П. П. Пекарский, т. II, стр. 482; ср.: Билярский, стр. 151; П. И. Бартнев. И. И. Шувалов. «Русская беседа», 1857, т. I, кн. V, отд. «Биография», стр. 19—20. Эклога Поповского не сохранилась. — Отрывок эклоги под названием «Начало зимы» сохранился и будет опубликован в следующем выпуске сб. «XVIII век». — *Прим. Ред.*

еще зимою 1750/51 года Ломоносов интересовался поэтическими опытами молодого Поповского. В дальнейших отчетах Ломоносов уже не говорит о своих «стихотворческих лекциях», а указывает лишь на продолжающиеся занятия только с одним Поповским. Так, в отчете за майскую треть 1752 года Ломоносов отмечал: «Студенту Поповскому давал наставления в стихотворстве»,⁴¹ и в отчете за сентябрьскую треть того же года: «Сверх химической моей профессии: давал наставление в поэзии студенту Николаю Поповскому».⁴² В том же 1752 году эти «наставления» Ломоносова, вероятно, и прекратились; по крайней мере, он нигде о них более не упоминает. О том, как он относился к Поповскому в конце своих с ним занятий видно из рапорта Ломоносова в Канцелярию Академии наук от 12 января 1753 года. В нем он дал блестящую характеристику молодому поэту: «Порученный прошлого 1752 <sic> года мне студент Николай Поповский от Канцелярии Академии наук, чтоб он от меня получал в стихотворстве наставления, показывает в оном весьма изрядные опыты своей особливою способностью. И уже прошлого 1752 года на торжественный праздник коронования ее императорского величества сочинил оду, которую письменную приватно показывал я при дворе моим благодетелям и немалую похвалу от них слышал. А в последних месяцах минувшего 1752 г. подал он мне свой перевод Горацевых стихов о стихотворстве (ars poetica) и некоторых од, который так хорошо сделан, что напечатания весьма достоин. И при отъезде двора знающие в красноречии силу желали их видеть в печати. Того ради Канцелярия Академии наук да соблаговолит оные напечатать, а помянутому студенту Поповскому сделать отличное одобрение от прочих награждением ранга и жалованья, ибо он уже ныне в состоянии искусством своим в чистоте российского штиля и стихотворства приносить Академии наук честь и пользу. Сочиненные им с Горацевых стихи при сем прилагаются».⁴³

16 января 1753 года Канцелярия Академии наук распорядилась о напечатании оды и стихов Поповского, а о награждении

⁴¹ Цитируется впервые (Архив АН, ф. 2, оп. 2. 1752 г., октябрь, № 6).

⁴² П. С. Билярский, стр. 186—187; В. В. Пассек. Очерки России, кн. V. М., 1842, стр. 82.

⁴³ ААН, ф. 3, оп. 1, № 173, л. 190; П. П. Пекарский, т. II, стр. 508—509; ср.: Сочинения М. В. Ломоносова с объяснительными примечаниями академика М. И. Сухомлинова, т. II, изд. АН СПб., 1893, стр. 134 втор. пагин. (В дальнейшем цитируется: М. В. Ломоносов, Сочинения, т. II). Посланная рукопись «Горацевых стихов» не сохранилась.

его рангом и прибавкой жалованья сообщила, что этого выполнить невозможно, вследствие отсутствия президента.⁴⁴

Перевод Поповского вышел в свет в марте того же года, под заглавием: «Письмо Горация Флакка о стихотворстве к Пизонам, переведено с латинского языка Николаем Поповским. Печатано в Санктпетербурге при императорской Академии наук 1753 года» (40 нум. стр.).⁴⁵

Здесь «Письмо» напечатано на стр. 3—24, а затем, на стр. 25—40, помещены переводы следующих од Горация: «Integer vitae» (кн. I, 22), «Non usitata nec tenui ferar» (II, 20), «Justum et tenacem» (III, 2), «Pindarum quisquis» (IV, 2). «Beatus ille». По-видимому, это было первое печатное произведение Поповского, изданное благодаря поддержке Ломоносова, который, надо думать, гордился им как первым серьезным большим трудом своего ученика. В качестве вознаграждения за перевод «Горациевых стихов» Поповский получил по ордеру Канцелярии АН 25 мая 1753 года пятьдесят экземпляров издания, по 10 коп. за экземпляр. Таким образом, первый литературный гонорар Поповского составлял 5 рублей.⁴⁶

Этот новый перевод Горация, являющийся третьим по счету после переводов А. Д. Кантемира и В. К. Тредиаковского, занял в русской литературе важное место в истории познания Горация в России в XVIII веке.

19 января 1753 года был произведен новый и последний экзамен всем 20 студентам Университета. Семь из них были признаны окончившими курс, среди них находился и Поповский. На основании отзывов профессоров 30 января был составлен «экстракт», в котором говорилось о Поповском следующее: «Николай Поповский в гуманиорах, особливо же в стихотворстве лучше всех, в философии достаточен, немецкий, французский и греческий языки разумеет нарочито, с латинского на русский»

⁴⁴ ААН, ф. 3, оп. 1, № 173, л. 191 и № 464, л. 18.

⁴⁵ Было издано 637 экземпляров (П. П. Пекарский, т. II, стр. 509; ААН, ф. 3, оп. 1, № 174, л. 194 и № 464, л. 18). Названное издание показано у В. С. Сопикова в его «Опыте российской библиографии...», СПб., 1813—1824, № 2853. (В дальнейшем цитируется кратко: Сопиков). Описание его см. в книге: «Издания гражданской печати времени императрицы Елисаветы Петровны 1741—1761, часть первая: 1741—1753. Под ред. П. Н. Беркова, М.—Л., 1935, стр. 246—247, № 491. Подробное описание издания дано: Н. В. Губерти. Материалы для русской библиографии, вып. III. М., 1891, стр. 271—273, № 68.

⁴⁶ Собственноручная расписка Поповского находится в деле Книжной лавки АН за 1753 год (ААН, ф. 3, оп. 1, № 1384, л. 4; Б. Л. Модзалевский. Ломоносов. Академия наук. Московский университет. 2-е изд., СПб., 1912, стр. 185, № 865).

ский переводит преизрядно, в поступках честен, за достойного произведения в тех науках, к которым определил себя, признан; от роду имеет 25 лет». ⁴⁷

К этому времени его интересы уже окончательно сложились. С одной стороны, он специализировался у акад. И. А. Брауна «в философии и преимущественно философии дидактической», а с другой стороны — у Ломоносова по поэтике и красноречию. На основании «экстракта» об успехах студентов Канцелярия АН 30 января постановила о том, что те из студентов, окончивших курс, которые предназначают себя к наукам математическим и физическим, могут быть назначены адъюнктами; тех же, которые «положились на философию и на словесные науки, произвести в магистры», с увеличением жалованья до двухсот рублей. ⁴⁸ Однако дело с производством студентов долго не получало разрешения президента АН гр. К. Г. Разумовского. В сентябре 1753 года ректор Университета акад. С. П. Крашенинников вынужден был об этом ходатайствовать вновь. ⁴⁹

В самом начале февраля 1753 года всем профессорам, в том числе и Ломоносову, ⁵⁰ было предложено сообщить об успехах порученных им студентов, для составления «генерального рапорта» президенту АН. Профессора не замедлили представить свои отзывы. 5 февраля Ломоносов подал в Канцелярию свой рапорт, в котором повторил свои представления о Поповском, дав ему опять замечательную характеристику: «Николай Поповский задаваемые ему от меня разные материи стихами сочинял и переводил весьма изрядно и ныне имеет опыт своего искусства в переводе стихами, которой уже по соизволению Канцелярии Академии наук к печатанию отдан. ⁵¹ Того ради по моему рассуждению весьма достоин, чтоб его, Поповского, за его особливую в красноречии способность отличить от прочих студентов чином и жалованьем и отделить квартерною от их «студентов» общежития, чтобы он, с хорошими людьми обращаясь, привык к пристойному обхождению; ибо между студентами, которые пристойного воспитания не имели и для своей давней фамилярности не без грубостей поступают, учтивых

⁴⁷ ААН, ф. 3, оп. 1, № 464, л. 44. Расхождение в указании возраста — явление обычное в документах XVIII века.

⁴⁸ Д. А. Толстой, ук. соч., стр. 42; ААН, ф. 3, оп. 1, № 464, л. 45.

⁴⁹ Д. А. Толстой, ук. соч., стр. 42—43; ААН, ф. 3, оп. 1, № 464, лл. 530—531; № 181, лл. 249—250.

⁵⁰ См. посланный ему 4 февраля 1753 года ордер И. Д. Шумахера (ААН, ф. 3, оп. 1, № 174, л. 20).

⁵¹ Имеется в виду перевод «Горациевых стихов» (см. выше, стр. 121).

поступков научиться нельзя».⁵² Отличную оценку успехов Поповского дал в своем рапорте 6 февраля и акад. И. А. Браун: «Со времени последнего экзамена 1751 года <sic>, — писал он, — означенные студенты лекции философические по приказанию так продолжали, что слушали все части философии мною толкованные. И хотя не ровные успехи оказали, однако все так успели, что сами в философии далее происходить могут, ежели похотят приложить прилежание и меня спроситься. Однако Барсова успехи наибольшие, прочих успехи состоят в таком порядке, что первым считается Поповский... Диспутации я поныне продолжил и еще продолжаю, в которых Барсов, Поповский, Яремский изрядно упражнялись... По окончании всех частей философии начал толковать я историю философическую по руководству Брукерова, которую еще продолжаю. На сии лекции, кроме Братковского, все же ходили и хорошо успели».⁵³ Акад. И. Э. Фишер также 6 февраля дал студентам Барсову, Поповскому и Яремскому следующую благоприятную характеристику: «Студентам Барсову, Поповскому и Яремскому не могу отказать в справедливом аттестате, что они сочинением своих пиэсов много меня удовольствовали и во всех добрая прозорливость, выбор, разбирание, порядок и здравая рассудительная сила явствует, так что из нынешних успехов справедливо заключить можно, что будут они впредь хорошие ораторы и философы. Также и штиль их не презрителен, ибо они, выключая немногие пассажи, предложенному автору по большей части счастливо подражали и мысли свои пристойными словами изображали. Вообще они в латинском языке нарочито сильны, и о всех делах, им знаемых, могут свободно и хорошо говорить, и каждого автора (выключая некоторые трудные места, к изъяснению которых требуются другие способы) нарочито разумеют. Сверх того, вышеозначенные три студента говорили при случае своего сочинения речи с доброю похвалою. Наконец, они и в латинском стихотворстве хорошо упражнялись, и знают все роды стихов, чему и имеют пробу своего сочинения».⁵⁴

Таковы были научные успехи Поповского. И теперь, после того как отзывы непосредственных его учителей делаются до-

⁵² П. С. Билярский, стр. 190; ср.: П. П. Пекарский, т. II, стр. 509—510; ААН, ф. 3, оп. 1, № 174, л. 33; Ср.: А. К. Боровдин. Академический университет в XVIII веке. «Исторический вестник», 1886, № 4, стр. 130.

⁵³ ААН, ф. 3, оп. 1, № 174, л. 38.

⁵⁴ ААН, ф. 3, оп. 1, № 174, лл. 41—42; М. И. Сухомлинов. «История Российской академии», вып. IV. СПб., 1878, стр. 192. Латинские стихи Поповского неизвестны.

ступными для выводов, можно говорить о том, что отзывы Ломоносова о нем не были пристрастны. Дарование Поповского сказывалось во всех областях гуманитарных наук. Его филологическая подготовка была действительно блестящей. В академической среде середины XVIII века, как молодой ученый, Поповский, несомненно, выделялся. О нем начинали говорить как о представителе той научной смены из «природных» русских людей, о которой так ратовал Ломоносов в эти годы и значительно позже, когда сам стал управлять Академическим университетом. Как несомненно талантливому поэту Поповскому стали поручать особенно ответственные переводы немецких стихов акад. Я. Я. Штелина, сочиняемых им на торжественные праздники — иллюминации и фейерверки, на дни, связанные с разными придворными празднованиями. При этом Поповский выступал в этих случаях наравне с Ломоносовым, а это означало уже общественное признание его и как поэта.

В настоящее время мы располагаем значительным количеством стихотворений Поповского, написанных в эти годы (1752—1754). Некоторые из них даже были опубликованы тогда же в «С.-Петербургских ведомостях» при описании придворных торжеств, но без подписи Поповского, другие напечатаны акад. М. И. Сухомлиновым в примечаниях к академическому изданию сочинений Ломоносова, но также анонимно, а другие и совсем не появлялись в печати. Эти стихи Поповского, помимо их высоких поэтических достоинств, подтверждают позднейшие (относящиеся к началу 1780-х годов) воспоминания Я. Я. Штелина, в которых он писал следующее: «Он переводил при всех придворных торжествах поэтические объяснения и описания иллюминаций, фейерверков и представлений, сочинения надворного советника Штелина и так удачно, что они почти всегда заключали в себе столько же стихов и были такого же размера, как немецкий оригинал».⁵⁵ «Объяснения» Поповского являются действительно в большинстве случаев точными переводами немецких стихотворений Штелина. Все они писаны шестистопным ямбом и по своим лексическим, метрическим и стилистическим приемам не уступают подобным же произведениям самого Ломоносова (параллели излишни).

Нами установлены следующие стихи-переводы Поповского на разные «случаи», т. е. праздничные даты царствования императрицы Елизаветы Петровны:⁵⁶

⁵⁵ П. А. Ефремов. Материалы для истории русской литературы. СПб., 1867, стр. 163.

⁵⁶ Все они (кроме № 11) хранятся в Архиве АН вместе с немецкими стихами Я. Я. Штелина и составленными им проектами иллюминаций и

1) На годовщину вступления на престол 25 ноября 1752 года («Что десять здесь знамен Россия представляет...»)⁵⁷

2) На новый 1753 год («Начавши под твоей державой новый год...»)⁵⁸

3) На годовщину коронации 25 апреля 1753 года («Какой приятный вид мы в день сей ощущаем...»)⁵⁹

4) На «день тезоименитства» 5 сентября 1753 года («Священное твое, богиня, имя веет...»)⁶⁰

5) К фейерверку в годовщину вступления на престол 25 ноября 1753 года («Отечество любя, богиня, предприняла...»)⁶¹

6) К иллюминации тогда же («Войти, монархиня, в храм чести посвященный...»)⁶²

7) На новый 1754 год («День первой праздниа с весельем каждой год...»)⁶³

8) На годовщину коронации 25 апреля 1754 года («Когда достоинство и милостивый суд...»)⁶⁴

9) На «день тезоименитства» 5 сентября 1754 года («Елисавет своей гремющей в свете славы...»)⁶⁵

10) На годовщину вступления на престол 25 ноября 1754 года («Какой, Россия, свет тебе та ночь дала...»)⁶⁶

11) На день рождения императрицы Елизаветы Петровны 18 декабря 1754 года («Коль чудны времена явил нам оный год...»). Рукопись этого перевода не сохранилась. Но сохранились немецкие стихи Я. Я. Штелина.⁶⁷ Текст перевода Поповского был анонимно опубликован в «С.-Петербургских ведомо-

фейерверков. Автографы Н. Н. Поповского определены нами по почерку. Ни одной подписи Поповского на них не имеется.

⁵⁷ ААН, ф. 3, оп. 1, № 168, л. 237. Напечатаны: М. В. Ломоносов, Сочинения, т. II, стр. 19 втор. пагин. с предположением о принадлежности Поповскому (стр. 20). Там же проект и стихи Я. Я. Штелина (стр. 18—19).

⁵⁸ ААН, ф. 3, оп. 1, № 170, л. 280. Опубликовано анонимно: М. В. Ломоносов, Сочинения, т. II, стр. 31 втор. пагин. Там же проект и стихи Я. Я. Штелина (стр. 30—31 и 31—32).

⁵⁹ ААН, ф. 3, оп. 1, № 173, л. 546. Опубликовано анонимно: М. В. Ломоносов, Сочинения, т. II, стр. 65 втор. пагин. Там же проект и стихи Я. Я. Штелина (стр. 64 и 64—65).

⁶⁰ ААН, ф. 3, оп. 1, № 173, л. 562 об.

⁶¹ Там же, ф. 3, оп. 1, № 173, л. 578.

⁶² Там же, л. 578 об.

⁶³ Там же, л. 619 об.

⁶⁴ Там же, № 185, л. 549.

⁶⁵ Там же, № 189, л. 334. Опубликовано анонимно: М. В. Ломоносов, Сочинения, т. II, стр. 100 втор. пагин. Там же немецкие стихи Я. Я. Штелина (стр. 100).

⁶⁶ ААН, ф. 3, оп. 1, № 189, л. 373. Опубликовано в «С.-Петербургских ведомостях» (1754 года, 29 ноября, № 95, стр. 758—759).

⁶⁷ ААН, ф. 3, оп. 1, № 189, лл. 378—379.

стях», 20 сентября 1754 года.⁶⁸ Там же (стр. 803—805) напечатано описание иллюминации.

О стихах Поповского на новый 1755 год будет сказано дальше.

С переездом его в Москву в начале 1755 года его занятия этими переводами прекратились.

Не оставляя мысли о выдвижении Поповского, Ломоносов 23 августа 1753 года в письме к И. И. Шувалову ходатайствовал о назначении его ректором Академической гимназии после смерти (6 августа) ее ректора Ротгакера и представил Шувалову при этом новое сочинение своего ученика. О нем и об его авторе Ломоносов отзывался, как и прежде, с большою похвалою: «Получив от студента Поповского перевод первого письма Попиева Опыта о человеке, — писал он, — не могу преминуть, чтобы не сообщить вашему превосходительству. В нем нет ни единого стиха, который бы мною был поправлен. Я весьма опасюсь, чтобы его в закоснении не оставили. Он давно уже достоин произведения. Ныне есть место ректорское в Гимназии, после ректора Ротгакера, которое он весьма способно управлять может, зная латинский язык совершенно и притом изрядно разумея греческий, французский и немецкий; а о искусстве в российском сей пример об нем свидетельствует. Для того и профессор Фишер, который сам был долго ректором, весьма его к сей должности одобряет. Шумахер, хотя кажет вид, что то же хочет делать, однако отнюдь верить нельзя, и больше, чаю, противное сделать намерен».⁶⁹ Однако и на этот раз ходатайство Ломоносова не возымело своего действия. Вопрос об утверждении Поповского в звании магистра также находился еще на рассмотрении президента АН гр. К. Г. Разумовского.

После публичного диспута студента А. А. Барсова в Академическом университете 7 сентября 1753 г. «при присутствии разных знатных персон и многих других слушателей», «по случаю высочайшего дня тезоименитства ея императорского величества, студенты Филипп Яремский и Николай Поповский читали речи, перьвой о философии Цицероновой, а другой о несправедливом презрении нравоучительной философии, особливо у древних философов, прежде Сократа бывших, и в заключении он же всенародные желанья о здравии и благополучии августейшья

⁶⁸ № 101, стр. 805—806. Перепечатан анонимно: М. В. Ломоносов. Сочинения, т. II, стр. 82—83, втор. пагин., с приведением немецких стихов Я. Я. Штелина по указанной рукописи (стр. 81—82).

⁶⁹ П. С. Билярский, стр. 215—216; ср. П. П. Пекарский. т. II, стр. 518.

покровительницы Академии изъявил стихами латинскими и российскими». Так извещали читателей «С.-Петербургские ведомости» 10 сентября 1753 года.⁷⁰

О произнесенных Поповским стихах сохранились интересные материалы. Это было крупное, не менее 50 стихов, стихотворение, писанное александрийскими стихами, а по терминологии В. К. Тредиаковского «ямбическими гекзаметрами». Граф К. Г. Разумовский 7 октября 1753 года распорядился напечатать произнесенные на диспуте речи,⁷¹ но они вместе с стихами Поповского предварительно были отправлены 11 декабря в Историческое собрание, которое поручило рассмотрение их акад. В. К. Тредиаковскому. Он отнесся к этой задаче с большим вниманием, но, в связи с тем, что Поповский был поручен не его «наставлениям в стихотворстве», на что он как профессор элоквенции имел право рассчитывать, — Тредиаковский не удержался от выпада против Ломоносова как руководителя Поповского.⁷² Кроме того, именно в это время происходила острая литературная полемика вокруг сатиры И. П. Елагина «На петиметра и кокеток». В ней участвовал как Тредиаковский, так и Ломоносов с Поповским.⁷³ Взаимные оскорбления, писанные в литературной форме, непрерывным потоком выливались на головы всех участников двух противостоящих враждующих литературно-политических групп. Тредиаковский был в курсе этой перепалки и не преминул в официальном отзыве кольнуть своего противника. В своем отзыве 22 декабря 1753 года, обращенном «почтенным господам товарищам Исторического собрания», он писал следующее: «Речь господина профессора Брауна, диссертацию студента Барсова и две речи студентов Яремского да Поповского, переведенные на российский язык, я прочел с великим удовольствием, и надеюсь, что с неменьшим примет их и все общество читателей. Радуюсь сердечно, что повелено их печатать. Чаятельно, что столько же оне будут полезны, сколько и другие о любопытных материях. И так я не нашел в них ни-

⁷⁰ № 73, стр. 587—588. Ни речь, ни стихи Н. Н. Поповского неизвестны. Об этом университетском празднике см. в материалах ААН, ф. 3, оп. 1, № 464, л. 507; № 181, лл. 207—224. Печатное объявление об этих речах на латинском языке там же (лл. 223—224 и ф. 21, оп. 7, № 72). См. также: Б. Л. Модзалевский. Ломоносов. Академия наук. Московский университет, стр. 150, № 825.

⁷¹ П. С. Билярский, стр. 245. Ректор университета акад. С. П. Крашенинников и адъюнкт И. И. Тауберт дали о них положительные отзывы (там же, стр. 246).

⁷² Ломоносов официально занимал в это время кафедру химии.

⁷³ Об этом см. ниже, стр. 130 и след.

чего, что могло б быть препоною к их изданию,⁷⁴ и перевод мне не худым показался. Впрочем, что до русских стихов ямбических гекзаметров студента Поповского, то, понеже стих 4, 6, 9, 10, 12, 15, 20, 27, 32, 33, 35, 40, 41, 42, 47 неправильны в своем составе и противны природе и образцу ямбических стихов гекзаметров, того ради не могу сих токмо стихов одобрить, пока они в надлежащее им не приведутся падение; хотя, с другой стороны, и ведаю, что сей погрешности не студент Поповский есть причиною, но учивший его сложению стихов господин советник и профессор Ломоносов, у которого такой порок в гекзаметрах очень часто находится, да и вплеся он быть тому учителем как в противность академическому регламенту, так и мне в незаслуженное предосуждение и толь наипаче, что он уже славится дерзновенно, как то и учинил действительно в чрезвычайной профессорской конференции, бывшей октября 3 дня 1753 года,⁷⁵ когда при многом своем постороннем велеречии и мнимом первенстве профессорства своего и пред всеми председательства кричал, что он один здесь отправляет давно должность профессора красноречия и стихотворства».⁷⁶

Помимо уже сказанного, суждение Тредиаковского о ломоносовском шестистопном ямбе представляет значительный интерес. Вероятно, он работал уже в это время над переводом «Тилемахиды» русскими дактило-хорейческими гекзаметрами.⁷⁷ Отрицательное отношение Тредиаковского вообще к ямбическим стихам понятно в свете принципиальных установок его поэтической системы, не включавшей долгое время ямбических метров, утверждавшихся Ломоносовым в его поэтической практике. Поповский, как его ученик и последователь, в основном также разрабатывал ямбические метры и преимущественно александрийский стих. Хотя рукопись стихотворения Поповского не сохранилась и оно не известно в печати, можно все же предполагать, судя по

⁷⁴ П. С. Биллярский (стр. 248) сообщает, что он «напрасно искал не только книги, в которой изданы речи этого акта, но и самого ее заглавия». По-видимому, издание это не состоялось, так как мы также не могли его отыскать.

⁷⁵ Ошибочно; нужно: 3 ноября. В этом заседании обсуждался вопрос о печатании речи Ломоносова «О явлениях воздушных» и возникло тогда множество споров (П. С. Биллярский, стр. 233; «Ломоносов». Сборник статей и материалов, под ред. А. И. Андреева и Л. Б. Модзалевского, стр. 107 и др.).

⁷⁶ Приводим по копии (ААН, ф. 3, оп. 1, № 181, л. 222); П. С. Биллярский, стр. 247; ср.: П. П. Пекарский, т. II, стр. 172—173.

⁷⁷ «Тилемахида» напечатана была в 1766 году. См. о поэме В. К. Тредиаковского работу акад. А. С. Орлова в сборнике: XVIII век, вып. I, Л., 1935, стр. 5—60.

замечаниям Тредиаковского, что, говоря о «неправильных в своем составе» стихах «ямбического гексаметра» Поповского, он имел в виду следующее: очевидно, Поповский, так же как и Ломоносов, допускал в шестистопном ямбе в первом его полустипии пиррихий перед цезурой. В своем «Способе к сложению российских стихов против выданного в 1735 году исправленном и дополненном» (1752), во II части (член второй — «О стихе гексаметре иамбическом») в § 16 Тредиаковский говорит, что «всемерно должно блюстись, чтоб в иамбическом гексаметре первого полстипии не оканчивать пиррихием, но всегда иамбом: природа стиха не терпит сего порока».⁷⁸ Отзыв Тредиаковского именно и подчеркивает ряд стихов Поповского (перенумеровываемая их) как «противных природе и образцу ямбических стихов гексаметров». В поэтике Тредиаковского подобные стихи не допускались вовсе, несмотря на то, что в других своих частях переработанный им в 1752 году «Способ к сложению стихов» во многом уже принимал ломоносовскую систему стихосложения.

Отрицательный отзыв Тредиаковского о стихах Поповского, однако, никак не отразился на окончательном суждении о них Канцелярии АН в лице И. Д. Шумахера, для которого тонкости литературных споров Тредиаковского с Ломоносовым в области русского стихосложения были непонятны и для которого важным в отзыве Тредиаковского являлось положительное мнение его о речи Поповского. Впрочем, независимо от этого мнения, 23 декабря 1753 года в Канцелярии АН было наконец объявлено решение президента о судьбе окончивших Университет студентов: «Сего декабря 18 числа, при ордере от его высокографского сиятельства то мнение Канцелярии⁷⁹ обратно сюда получено, на котором его высокографское сиятельство апробацию подписать изволил с тем резонем, что оное больше согласует с регламентом академическим, по которому Канцелярия поступать имеет. Чего ради во исполнение того его высокографского сиятельства повеления сего декабря 23 дня по определению Канцелярии Академии наук и велено студентам Барсова, Яремского, Поповского и Константинова⁸⁰ произвести в магистры, а Софронова и Румовского в адъюнкты».⁸¹ А. А. Констан-

⁷⁸ Тредиаковский, Сочинения, т. I, изд. А. Смирдина, СПб., 1849, стр. 132.

⁷⁹ Вынесенное еще в январе 1753 года (см. выше, стр. 122—123).

⁸⁰ Алексей Алексеевич Константинов (род. 1728 года, ум. 1808 года), будущий (с 1766 года) зять Ломоносова, женившийся на его единственной дочери Елене Михайловне (род. 1749 года, ум. 1772 года). Константинов был позже библиотекарем императрицы Екатерины II.

⁸¹ ААН, ф. 3, оп. 1, № 464, лл. 698—699. Копия определения Канцелярии АН от 23 декабря 1753 года с расписками студентов в чтении

тинов, Ф. Яремский, А. А. Барсов и Н. Н. Поповский были первыми из русских, получивших звание магистров в России. Они были утверждены в этом звании на заседании Конференции Академии наук 17 января 1754 года.⁸²

22 июля того же года четыре новых магистра ходатайствовали перед Канцелярией АН о том, чтобы им было определено в Историческом собрании «против адъюнктов место и голос», чтобы они «пред равными» им «не были обижены и могли совершенную от участия в том собрании получить пользу».⁸³ Но из дела не видно, была ли удовлетворена их просьба.⁸⁴

К концу 1753 года относится участие Н. Н. Поповского на стороне Ломоносова в литературной полемике вокруг сатиры И. П. Елагина «На петиметра и кокеток», направленной против Ломоносова. В нашу задачу не входит подробное изложение этой полемики.⁸⁵ Для нашей цели важно участие Поповского в этой полемике само по себе, свидетельствующее о том, что он уже к этому времени как поэт, полностью принимал поэтическую систему Ломоносова и принимал ее не только «теоретически», но и «практически». В этой полемике Поповскому принадлежит пародия на сатиру Елагина, под заглавием: «Возражение или превращенный петиметр»,⁸⁶ которая была хорошо известна Ломоносову и Шувалову. В письме к последнему от 16 октября 1753 года Ломоносов, между прочим, писал: «Но и еще притом прошу, ежели возможно, удовольствоваться тем, что сочинил г. Поповский, почетший за свою должность по справедливости, что Перфильевич⁸⁷ здесь несправедливо присволяет. Данный мне от него титул никогда бы я не оставил в его стихах, если бы я хвастовством моих завистников не принужден был рассудить, что тем именем ныне ученику меня назвать можно,

хранится в ф. 3, оп. 1, № 181, лл. 255—256; там же (л. 262) текст присяги Поповского на звание магистра; Д. А. Толстой, ук. соч., стр. 43; П. П. Пекарский. Редактор, стр. 34.

⁸² ААН, ф. 3, оп. 9, № 20; ф. 1, оп. 2—17 января 1754, № 4.

⁸³ ААН, ф. 3., оп. 1, № 189, л. 289.

⁸⁴ Никто из них, впрочем, начиная с этого времени, в протоколах заседаний Конференции АН в числе присутствующих не зарегистрирован.

⁸⁵ См. подробно о ней в книге: П. Н. Берков. Ломоносов и литературная полемика его времени. 1750—1765. Л., 1936, стр. 119—146. Там же напечатана и самая сатира (стр. 119—124).

⁸⁶ Впервые опубликована А. Н. Афанасьевым по рукописи так называемого «Казанского сборника» в «Библиографических записках» (1859, № 15, стлб. 457—458), перепечатана у П. Н. Беркова (ук. соч., стр. 137—138); им же установлено и авторство Поповского (там же, стр. 134).

⁸⁷ Т. е. И. П. Елагин.

которым меня за двадцать лет учителя мои называли». ⁸⁸ Как разъяснил П. Н. Берков, И. И. Шувалов требовал от Ломоносова ответа на выпады зоилов и предлагал ему принять непосредственное участие в полемике, но Ломоносов полагал «удовольствоваться» ответом Поповского, который «почел за свою должность» (т. е. своим долгом) «по справедливости» вступить за обиженного поэта, своего учителя. ⁸⁹ Несмотря на нежелание Ломоносова участвовать в полемике, ему, по мнению П. Н. Беркова, все же пришлось это сделать в двойной форме: в форме стихотворной — он написал стихотворение «Златой молодых людей и беспечальный век» — и в виде письма будто бы к неизвестному лицу, но на самом деле к тому же Шувалову. «По-видимому, эпистолярная форма для публичного выступления, — пишет П. Н. Берков, — была избрана Ломоносовым в данном случае для того, чтобы, с одной стороны, скрыть свой стихотворный ответ, а с другой, подчеркнуть несерьезность литературных претензий своих противников, не заслуживающую более основательной трактовки. Письмо это очень остроумно, в нем под видом защиты Сумарокова от мнимых нареканий Елагина, Ломоносов, — как правильно заметил А. Н. Афанасьев, — зло насмехается над ними обоими, и над творцом „Семиры“ еще более, нежели над панегиристом». ⁹⁰ Если предположение П. Н. Беркова относительно этого письма не вызывает сомнений (оно бесспорно является ответом на вызов И. И. Шувалова), то относительно стихотворения «Златой молодых людей...» П. Н. Берков допускает некоторую хронологическую неточность. В самом деле, возникает вопрос, когда оно было написано? До пародии Н. Н. Поповского или после нее? Из последующего изложения будет очевидно, что оно было написано до пародии Поповского и до письма Ломоносова к И. И. Шувалову от 16 октября 1753 года, в котором Ломоносов говорит об этой пародии. Тем самым рассматривать стихотворный ответ Ломоносова на сатиру Елагина как написанный по желанию И. И. Шувалова нельзя. Напротив, свой стихотворный ответ Ломоносов написал без ведома Шувалова, очевидно, сразу после появления сатиры Елагина, под ее непосредственным впечатлением. Затем последовала пародия Н. Н. Поповского, а после нее — письмо Ломоносова к Шувалову от 16 октября 1753 года, в котором он вовсе о своем

⁸⁸ П. Н. Берков, ук. соч., стр. 134; П. П. Пекарский, т. II, стр. 535 и сл.

⁸⁹ П. Н. Берков, ук. соч., стр. 134.

⁹⁰ П. Н. Берков, ук. соч., стр. 134—135. Далее приводится и самое письмо, получившее распространение в списках (стр. 135—136).

стихотворении не упоминает и утверждает, что он «с Перфильевичем переписываться никогда намерен не был» и просит Шувалова «удовольствоваться тем, что сочинил г. Поповский». А в то же время его стихотворный ответ уже ходил в многочисленных списках, один из которых по «Казанскому сборнику» имел такую подпись: «Через Л», т. е. «через Ломоносова».⁹¹ Таким образом, имя его как автора стихотворения стало сразу известно его современникам. С другой стороны, П. Н. Берков совершенно прав, когда делает предположение, что своему другому ответу Ломоносов придал эпистолярную форму, чтобы скрыть свой литературный ответ. Это вполне согласуется и с хронологией всего круга полемических произведений, о которых только что шла речь.

Следует отметить, что, помимо дошедшего до нас списка стихотворного ответа Ломоносова в «Казанском сборнике», до нас дошел и автограф его в архиве И. И. Шувалова,⁹² использованный и П. Н. Берковым. Этот автограф, однако, переписан был для Шувалова значительно позднее и отослан вместе с переписанными для него же двумя другими стихотворениями в письме, допускающими датировку первой половиной ноября 1753 года по упоминанию в нем корректур речи, которую он должен был произнести 26 ноября 1753 года («О явлениях воздушных от электрической силы происходящих»)⁹³ К ноябрю 1753 года авторство Ломоносова было уже давно раскрыто, скрывать его было уже незачем и, очевидно по просьбе Шувалова, Ломоносов переписал для него свой стихотворный ответ вместе с двумя другими своими эпиграммами на В. К. Тредиаковского («Отмщать завистнику меня вооружают» и «Искусные певцы всегда в напевах тщатся»), из которых вторая относится еще к 1746 году и была вызвана спором об окончании имен прилагательных в именительном падеже множественного числа. Отправляя их Шувалову, Ломоносов просил извинения у Шувалова, «что для краткости времени набело переписать не успел».⁹⁴

⁹¹ «Библиографические записки», 1859, № 15, столб. 455.

⁹² ААН, ф. 20, оп. 3, № 65, лл. 28—29. См.: Л. Б. Модзалевский. Рукописи Ломоносова. Л., 1937, стр. 83, № 182; факсимиле в книге П. Н. Беркова (ук. соч., между стр. 128—129).

⁹³ П. С. Билярский, стр. 243. М. В. Ломоносов, Сочинения, т. II, стр. 133—134 и 135—144 втор. пагин. Письмо со стихотворениями неправильно отнесено к 1755 году. Эта же ошибка повторена и нами (Рукописи Ломоносова. Л., 1937, стр. 83, № 182). В 1755 году Ломоносов никакой академической речи не произносил.

⁹⁴ М. В. Ломоносов, Сочинения, т. II, стр. 136 втор. пагин.

В литературе об этой полемике остался еще неразрешенным⁹⁵ вопрос о стихотворении И. П. Елагина «К Сумарокову». Г. А. Гуковский считает,⁹⁶ что всё письмо Ломоносова к Шувалову от 16 октября 1753 года⁹⁷ написано в защиту от нападок, заключенных в этом стихотворении (и датирует его 1753 годом), а не в связи с сатирой Елагина «На петиметра и кокеток».⁹⁸ Можно положительно утверждать, что «он <т. е. Елагин> в моих одах ни Пиндара, ни Малгебра не находит»⁹⁹ имеет в виду именно это стихотворение Елагина «К Сумарокову», в котором есть такие стихи:

Где Мальгерб тобой почтенный
Где сей Пиндар несравненный,
Что в эпистолах мы чтем.¹⁰⁰

Но остальная часть письма, как это доказано П. Н. Берковым, относится к полемике вокруг сатиры «На петиметра и кокеток». Неясна лишь хронология полемических сочинений. Г. А. Гуковский утверждает, «что сатира на петиметра написана до ноября (надо — до 16 октября, — Л. М.) 1753 и до пьесы „К Сумарокову“».¹⁰¹ Этот вывод совершенно очевиден, но приурочивать пьесу «К Сумарокову» к полемике вокруг сатиры и датировать ее 1753 годом нет никаких оснований.¹⁰² Пьеса могла быть написана и в 1752 и в 1751 году, т. е. в самом начале литературной полемики. За это говорит и нахождение пьесы в «Казанском сборнике» вне круга полемических произведений, вызванных сатирой Елагина 1753 года, и последовательность изложения в письме Ломоносова. Действительно, к 1753 году раздражение его против Елагина достигло апогея, и выпады последнего он излагает в хронологическом порядке. Сначала он говорит о пьесе «К Сумарокову» как ранней в цепи выпадов, затем — о пародии, написанной Елагиным в конце 1752 года, на трагедию «Тамира и Селим».¹⁰³ Только после этого Ломоносов переходит, так

⁹⁵ П. Н. Берков в своей книге его не затрагивает и только глухо на него ссылается (П. Н. Берков, ук. соч., стр. 308, прим. 97).

⁹⁶ Г. А. Гуковский. Русская поэзия XVIII века. Л., 1927, стр. 32—34 и 203—204, прим. 39.

⁹⁷ У Г. А. Гуковского почему-то это письмо приводится с неверной датой 10 ноября 1753 года (такого письма Ломоносова не существует).

⁹⁸ Как это указывал еще П. С. Билярский (стр. 223).

⁹⁹ Там же, стр. 222; ср.: П. Н. Берков, ук. соч., стр. 113.

¹⁰⁰ Т. е. в эпистоле А. П. Сумарокова «О стихотворстве» 1748 года: «Он наших стран Мальгерб, он Пиндару подобен» (А. Н. Афанасьев, ук. соч., 1859, № 17, стлб. 524; Г. А. Гуковский, ук. соч., стр. 32—33).

¹⁰¹ Г. А. Гуковский, ук. соч., стр. 203.

¹⁰² Не делает этого и П. Н. Берков в своем исследовании.

¹⁰³ См.: П. Н. Берков, ук. соч., стр. 103.

сказать, к «текущим событиям», т. е. к выпадам зоилов в связи с сатирой «На петиметра и кокеток» и с ответом Поповского.¹⁰⁴ Первым же ответом Ломоносова, как нами установлено, и является стихотворение его «Златой младых людей и беспечальный век».

Возвращаясь к пародии Поповского, следует сказать, что она носит такой же полемический характер и направлена против Сумарокова и Елагина. Она написана в очень резких выражениях и начинается перифразом обращения сатиры Елагина к Сумарокову как своему учителю.

У Елагина:

Открытель таинства любовныя нам лиры,
Творец преславныя и пышныя Семиры,
Из мозгу рождшейся богини мудрый сын,
Наперсник Боалов, российский наш Расин,
Защитник истины, гонитель злых пороков,
Благий учитель мой, скажи, о Сумароков!
Где рифмы ты берешь? — Ты мне не объявил... и т. д.

У Поповского:

Открытель таинства поносныя нам лиры,
Творец негодныя и глупыя сатиры,
Из дрязгу родшейся Химеры глупой сын,
Наперсник всех вралей, российский Афросин.¹⁰⁵
Гонитель щеголей, поборник петиметров,
Рушитель истины, защитник южных ветров!
Скажи мне, кто тебя сим вздорам навчил.

Далее Поповский дает совет Елагину больше не ругать петиметров, перестать врать и прибегает к тем же намекам, которые делал Ломоносов в своем стихотворении «Златой младых людей и беспечальный век». Этим устанавливается, что пародия Поповского написана после появления стихотворения Ломоносова.

У Ломоносова:

Мы помним, как ты сам, хоть ведал перед браком,
Что будешь подлинно на перву ночь свояком,
Что будешь вотчим слыть, на девушке женясь,
Или отец княжне, сам будучи не князь...
и т. д.

и т. д.

У Поповского:

Свояков ты забудь и ввек не вспоминай:
Известно то уж всем, что знал ты и до брака,
Что будешь ты иметь и сам в ту ночь свояка

¹⁰⁴ П. Н. Берков склоняется к тому, что пьеса «К Сумарокову» появилась в 1752 или в начале 1753 года, после пародии Елагина на «Тамиру и Селима» Ломоносова (П. Н. Берков, ук. соч., стр. 114).

¹⁰⁵ Т. е. дурак.

*И будешь вотчим слыть, на девушке женись,
Или отец княжне, сам будучи не князь. . .*

и т. д.¹⁰⁶

Кончается пародия Поповского прямой защитой Ломоносова:

*Парнасского писца для бога не замай,
Стократ умней тебя — его не задирай.*

«Парнасский писец» и является тем «титолом», который, по предположению П. Н. Беркова,¹⁰⁷ был дан Поповским Ломоносову и о котором последний писал в цитированном выше письме к И. И. Шувалову 16 октября 1753 года как о имени, данном ему еще его учителями в начале его литературного поприща. Действительно, этот «титул» можно понимать как имя «парнасского поэта божиею милостью». Поповский предостерегал И. П. Елагина как ученика Сумарокова не задевать («не замай»), «не задира́ть», т. е. не трогать Ломоносова как крупнейшего поэта современности, человека непревзойденного ума («Стократ умней тебя»). И в этом заключалась цель пародии Поповского: унижить литературных противников Ломоносова — и тем самым и своих противников — и возвеличить своего учителя, защитить его от грубых нападков последователей сумароковской поэтической школы. В этой защите своего учителя Поповский выступает как его единомышленник, как его последователь и верный ученик. Из упомянутого письма Ломоносова видно, что прежде чем пародия Поповского была распространена в списках, он ознакомился с нею и одобрил ее, оставив в ней и данный ему Поповским «титул».

Пародия Поповского не осталась без ответа. Ответ этот писан неизвестным лицом из елагинско-сумароковского лагеря. Первая же строчка его свидетельствует о том, что автор ответа был в курсе предыдущей литературной полемики и знал ее участников — Ломоносова и Поповского:

*Куда с копытом конь, туда и рак с клешней —*¹⁰⁸

Пословица сия сталася над тобой.

Конь — это Ломоносов, рак — это Поповский. Так начинается этот ответ. Далее, сравнивая сатирические методы Ломоносова и характеризуя их как «пристойные»,¹⁰⁹ автор «ответа» приходит к выводу о недопустимости полемических приемов Поповского.

¹⁰⁶ Курсив наш, — Л. М. Об этих намеках см.: П. Н. Берков, ук. соч., стр. 126; ср.: М. В. Ломоносов, Сочинения, т. II, стр. 144 втор. пагин.

¹⁰⁷ П. Н. Берков, ук. соч., стр. 134.

¹⁰⁸ Курсив наш, — Л. М.

¹⁰⁹ Ср.: П. Н. Берков, ук. соч., стр. 136.

Особенно важна следующая строчка «ответа»:

А ты покрав стихи творений чужих,
Ты «Афросин» писал со тьмою браней в них,

т. е. здесь заключается определенное указание на использование Поповским приведенного выше места из стихотворного ответа Ломоносова¹¹⁰ и на слово «Афросин» (дурак), допущенное Поповским в своей пародии по отношению к И. П. Елагину.

Кончается «ответ» неожиданно. Автор его пишет:

Прилежно в критиках таких же упражняйся,
И будешь дураком, как Балабаном он,¹¹¹

т. е. открыто называет Поповского дураком, уже не прикрываясь никакими иносказаниями, вроде «Афросина».

Участие Н. Н. Поповского в литературной полемике на стороне Ломоносова — яркая страница в его биографии. Она свидетельствует о том, что литературные противники Ломоносова сами определяли Поповского как его ученика и последователя. Об этом красноречиво говорит «ответ» анонимного автора.

К началу 1754 года литературная деятельность Н. Н. Поповского завершилась окончанием одного из самых крупных его произведений, создавших ему позже наибольшую известность у современников. Он закончил свой перевод дидактической и философской поэмы английского поэта А. Попа «Опыт о человеке». Ломоносов поспешил представить этот перевод в Канцелярию Академии наук для отсылки к президенту Академии гр. К. Г. Разумовскому. 28 марта 1754 года он писал об этом И. И. Шувалову: «Господин Поповский свой перевод всех стихов Попиевых, несколько еще исправленных, сего дня чрез меня в Канцелярию для посылки к его сиятельству отдал».¹¹² Несомненно, извещая об этом Шувалова, Ломоносов надеялся на то, что он скажет свое мнение о новом сочинении Поповского императрице Елизавете Петровне, так как Шувалов уже имел к этому времени представление о полном переводе Поповского¹¹³ в 4 письмах. Этот перевод, как установил акад. Н. С. Тихонравов, сделан был Поповским с французского прозаического пере-

¹¹⁰ Ср.: С. А. Венгеров. Русская поэзия, вып. IV. СПб., 1894, стр. 724, прим. 1—4.

¹¹¹ Т. е. Ломоносов, назвавший так И. П. Елагина в стихотворении «Златой младых людей и беспечальный век». Балабан значит увалень, болван (ср.: П. Н. Берков, ук. соч., стр. 125—126 и др.).

¹¹² П. С. Билярский, стр. 261; ср. стр. 261—262 — соображения Билярского.

¹¹³ Еще 23 августа 1753 года Ломоносов представил ему перевод первого письма «Попиева Опыта о человеке» (см. выше, стр. 126).

вода Силуэтта (Silhouette), изданного в Амстердаме в 1738 году,¹¹⁴ так как Поповский не знал английского языка; французским же языком он владел к этому времени «изрядно», по выражению Ломоносова.¹¹⁵ Опираясь на слова Ломоносова в его доношении в Канцелярию АН 5 февраля 1753 года о том, что «задаваемые ему <т. е. Поповскому> от меня разные материи стихами сочинял и переводил весьма изрядно»,¹¹⁶ Н. С. Тихонравов поставил вполне законный вопрос: «Не принадлежит ли и перевод „Опыта о человеке“ к числу работ, заданных Поповскому Ломоносовым?» и прибавил: «это весьма вероятно. По-видимому „Опыт“ Попе пользовался в то время уважением и в среде ученых специалистов». Далее Тихонравов приводит очень важный факт: известный физик, академик Г. В. Рихман, также один из учителей Поповского (чего Тихонравов не знал) в 1741 году перевел «Опыт» Попа на немецкий язык в прозе и подарил его своему ученику Ф. А. Остерману, сыну его покровителя, государственного деятеля гр. А. И. Остермана, рекомендовавшего Рихмана в члены Академии наук¹¹⁷ (у Остермана Рихман был домашним учителем). С этим выводом Н. С. Тихонравова согласен исследователь этого вопроса Б. Е. Райков, хотя он осторожно формулирует эту мысль: «Можно предположить, — говорит он, — что и самый выбор оригинала для перевода сделан по указанию Ломоносова».¹¹⁸ Дело заключается в том, что Ломоносова и его друга и единомышленника в науке Г. В. Рихмана объединяли близкие им обоим теоретические взгляды и в вопросах гелиоцентрической системы мира,¹¹⁹ а помимо общих религиозно-философских и дидактических положений, философская поэма Попа содержит как раз пропаганду

¹¹⁴ Н. С. Тихонравов, Сочинения, т. III, ч. I, М., 1898, стр. 82. Перевод Силуэтта издавался затем несколько раз и вошел во французское издание сочинений Попа 1749 г. (там же, стр. 10 втор. пагин., прим. 2 и 3). Каким именно изданием пользовался Поповский для своего русского перевода, установить затруднительно.

¹¹⁵ См. выше, стр. 126.

¹¹⁶ См. выше, стр. 122.

¹¹⁷ Рукопись этого перевода хранилась в Библиотеке Московского университета. Описание ее см.: Н. С. Тихонравов, Сочинения, т. III, ч. I, стр. 87—88 и стр. 11—12 втор. пагин., прим. 17.

¹¹⁸ Б. Е. Райков. Очерки по истории гелиоцентрического мировоззрения в России. Л., 1937, стр. 194.

¹¹⁹ О гелиоцентрических взглядах Ломоносова обширный материал собран в названном исследовании Б. Е. Райкова (см. особенно стр. 203—213). Здесь же (стр. 212 сл.) Б. Е. Райков выдвигает гипотезу о том, что в 1761 году Ломоносов предложил выпустить в свет вторым изданием незадолго перед тем осужденное Синодом сочинение Фонтенеля «Разговоры о множестве миров». Нам кажется, что это предположение можно считать бесспорно доказанным.

гелиоцентрической идеи вселенной.¹²⁰ Научно-философское мышление Н. Н. Поповского формировалось именно в этой академической среде, у его учителей Рихмана и Ломоносова,¹²¹ и мы можем утверждать, что он всецело разделяя с ними эту философскую концепцию. После всего изложенного становится очевидным, что Поповский взялся за перевод поэмы А. Попа под воздействием Ломоносова, для которого в большей, чем для Рихмана, степени важна была пропаганда гелиоцентрических идей в России. Помимо стремления к выдвиганию своего любимого ученика, Ломоносовым в данном случае руководило и сознание огромной научной пользы от издания этого перевода и уверенность в том, что Поповский хорошо справится с поставленной перед ним задачей. Поповский оправдал эти надежды. Поэма в его переводе имела у русского читателя большой успех и выдержала до 1791 года еще 3 издания. Но прежде чем она увидела свет (в 1757 году), как Ломоносову, так и особенно И. И. Шувалову пришлось, как известно, потратить много сил и энергии на преодоление препятствий со стороны церковной цензуры, все же искажившей в ответственных местах мысли ее автора и стихи переводчика. Шувалов вынужден был дважды представлять готовый к печати перевод на рассмотрение Синода.¹²² Один из его членов, архиепископ Переяславский Амвросий (Зертис-Каменский) не только исключил все «опасные» места книги, но и заменил их другими, собственного сочинения, во избежание пропусков. Его вставки оказались, однако, очень слабыми в литературном и метрическом отношении: Амвросий сбивался с силлабо-тонического на чисто силлабическое стихосложение, более ему близкое по условиям духовного воспитания и образования. Получив обратно свою рукопись, Поповский не пожелал выправить вставки цензора в отношении стихосло-

¹²⁰ Там же, стр. 194—200.

¹²¹ Относительно физика акад. И. А. Брауна, также учителя Поповского (и как раз в области философии), утверждать этого нельзя за недостатком материалов. Как показал Б. Е. Райков (ук. соч., стр. 191—194), И. А. Браун был дипломатически осторожен в своих высказываниях по этому вопросу и не рекомендовал для «всемирного» распространения книгу Фонтенеля «О множестве миров». Но поскольку Браун был другом Ломоносова, можно предполагать, что и он разделял научно-философские идеи гелиоцентризма.

¹²² См. переписку по этому вопросу И. И. Шувалова, опубликованную П. П. Пекарским в «Библиографических записках» (1858, № 16, стлб. 489—491). Здесь напечатано письмо Шувалова в Синод 19 августа 1756 года от имени Московского университета, ответ Синода с указанием «сумнительств» и письмо архимандрита Амвросия к Шувалову со ссылкой на передачу ему Шуваловым в Москве 17 февраля 1757 года перевода Поповского «с Пoppия стихами для рассмотрения».

жения, что ему советовал сделать Шувалов, но при печатании книги выделил, как известно, эти вставки более крупным шрифтом, предоставив читателю догадываться об истинном значении этого факта, после того как Шувалов воспрепятствовал ему оговорить в предисловии настоящую причину подобной меры.

Д. И. Фонвизин, ученик Поповского, слушавший его лекции в Московском университете, в своем «Чистосердечном признании» (1789—1792) приводит следующую остроту бывшего адъюнкта Академии наук и секретаря императрицы Екатерины II, Г. Н. Теплова, сказанную по этому поводу: «Вам, без сомнения, известен перевод г. Поповского „Опыта о человеке“? — спросил меня Григорий Николаевич. — Мне сей перевод очень знаком, отвечал я, и я его высоко почитаю. — Но какие неприятности, какие затруднения встретил бедный переводчик к напечатанию, сказывал мне он же. Попы стали переправлять перевод его и множество стихов исковеркали; а дабы читатель не почел их стихов за переводчиковы, то напечатали они их нарочито крупными буквами, как будто бы читатель сам не мог различить стихов поповских от стихов Поповского».¹²³

Получив наконец разрешение на издание книги, Шувалов энергично взялся за ее печатание. Сохранились его распоряжения по типографии Московского университета, где одновременно набиралась и первая часть «Сочинений Ломоносова» 1757 года. Из этих распоряжений видно, насколько внимательно он следил за процессом набора и печати, вникал во все детали, начиная от выбора шрифтов и кончая выбором гравюр и внешнего оформления издания и его распространения. Перевод Поповского вышел в самом конце 1757 года под следующим заглавием: «Опыт о человеке. Господина Попе. Переведено с французского языка Академии наук конректором Николаем Поповским 1754 года. Печатано при императорском Московском университете 1757 года».¹²⁴

¹²³ Сочинения, письма и избранные переводы Дениса Ивановича Фонвизина», под ред. П. А. Ефремова, СПб., 1866, стр. 551—552.

¹²⁴ Сопиков, № 7896. Было отпечатано 400 экземпляров издания. Подробности о цензурных мытарствах и о ходе набора и печатания книги см.: Шевырев. Словарь, ч. II, стр. 313—314; С. П. Шевырев. История, стр. 27, 47, 92; Н. С. Тихонравов. История издания Опыта о человеке в переводе Поповского. «Русский архив», 1872, кн. 7 и 8, табл. 1311—1322 (статья перепечатана: Н. С. Тихонравов, Сочинения, т. II, ч. 1, М., 1898, стр. 82—89 и 10—12 втор. пагин.; ср там же, стр. 296—299); Н. В. Губерти. Материалы для русской библиографии, вып. III, М., 1891, стр. 312—318, № 76; Б. Е. Райков, ук. соч., стр. 194—200; Библиографическое списание книг библиотеки Д. М. Остафьева. «Русский библиофил», 1911, № 4, стр. 22—23, № 101. О выходе издания в свет и о продаже его было напечатано извещение в «Московских ведомостях» 12 декабря 1757 года (№ 99): «В типографии

Поповский вполне сознавал недостатки своего перевода, с одной стороны потому, что переводил не с английского оригинала, а с другой — вследствие цензурных искажений. Кроме того, он опасался новых придирок со стороны духовной цензуры и чтобы обезопасить себя и свой труд отметил в конце своего предисловия следующее: «Как материя сия важная, то может найтись кому-нибудь нечто и сомнительное в рассуждении нашей религии, в чем, однако, справедливый читатель меня извинит для двух причин: первая, что я не богослов и потому простиительно мне будет, естли где не мог усмотреть несходства с нашею религиею; второе, что я не критиком был, но переводчиком; следовательно, хотя бы и усмотрел нечто противное, однако поправлять не имел никакого права. Я только старался как можно ближе подходить к французскому переводу; и так сумнительные места¹²⁵ могут больше причтены быть французскому переводчику, которому я следовал, нежели мне». В октябре 1757 года Шувалов в письме к директору Московского университета И. И. Мелиссино утверждал, что «сей перевод господину Поповскому много чести принесет» и высказывал надежду, «что скоро первое издание раскупят, а второе <переводчик> напечатает, может быть, как от него переведено без поправления было».¹²⁶ Действительно, труд Поповского принес ему большую славу и литературную известность, но до второго издания своего перевода он не дожился; все последующие издания его перепечатывались с первого издания со всеми цензурными искажениями.

По свидетельству Ломоносова, Поповский после окончания своего перевода в начале 1754 года еще раз «несколько исправлял» свои стихи.¹²⁷ Теперь, когда известна вся совокупность данных о заинтересованности Ломоносова в этом переводе, можно с уверенностью говорить о том, что он, если и не вносил

Московского императорского университета вышла на сих днях из печати книга, называемая „Опыт о человеке“, сочинения английского стихотворца Попе, а переводу господина Поповского стихами и продается в Книжной университетской лавке без переплету экземпляр по 60 копеек». Следующие публикации об этой книге появились там же 16 декабря (№ 100) и 19 декабря (№ 101). Изданием «Ведомостей» с 26 апреля 1756 года (выход первого номера) заведывали профессор университета Н. Н. Поповский вначале, а затем А. А. Барсов (С. П. Шевырев. История, стр. 24; Н. М. Лисовский. Библиография русской периодической печати. 1703—1900. Пгр., 1915, стр. 6; А. Н. Неустроев. Историческое разыскание. . . СПб., 1874, стр. 68; Сопиков, № 2711).

¹²⁵ Это же выражение употребила и духовная цензура о стихах, подвергшихся изменению.

¹²⁶ Н. С. Тихонравов, Сочинения, т. III, ч. 1, стр. 86.

¹²⁷ См. выше, стр. 136.

своих поправок в рукопись перевода, то, во всяком случае, давал свои советы переводчику во время его работы над переводом.¹²⁸ Тем самым при детальном изучении биографии Ломоносова нельзя пройти мимо этого факта и следует в дальнейшем более основательно изучить перевод Поповского с точки зрения словоупотреблений, языковых и стилистических норм, структуры стиха, рифм и других поэтических и стилистических приемов переводчика, что в нашу задачу не входит.

Вторым отдельным печатным выступлением Н. Н. Поповского была его «Ода на всерадостный день возшествия на престол ея императорского величества благочестивейшия и самодержавнейшия великия государыни императрицы Елисаветы Петровны, самодержицы всероссийския ноября 25 дня 1754 года. С искренним усердием и ревностию принесенная от всеподданнейшего раба Николая Поповского. Печатана в Санктпетербурге при императорской Академии Наук».¹²⁹ Следов участия Ломоносова в этом новом произведении Поповского не находится, но ода представляет исключительный интерес, так как является первой из двух дошедших до нас од Поповского. Именно по ней мы можем судить об его оригинальном творчестве. Уже покойный Л. В. Пумпянский, называя эту оду «талантливой», отмечал близость ее к ломоносовской оде 1746 года. «Именно данная ода, — говорит исследователь, — после перепечатки ее в Собр. соч. Ломоносова 1751 г. (где она стала 2-ой похвальной одой),

¹²⁸ В Московском архиве Министерства иностранных дел, под № 236 хранилась рукопись «Опыта о человеке» в переводе Поповского, с пометой: «Переведено с французского переводу профессор. Николаем Поповским. Списано с подлинника прежде, как оной святейшим Синодом был поправлен». Этой рукописью пользовался Тихонравов, который и извлек необходимые сведения о поправках, внесенных в перевод духовною цензурою (Н. С. Тихонравов, Сочинения, т. III, ч. 1, М., 1898, стр. 49 втор. пагин., прим. 84).

¹²⁹ Ода начинается следующим стихом: «От тихих солнца вод восходит...», 7 нен. стр., в лист. У Сопикова значится под № 7247 (4°). Описание титульного листа дано в «Отчете императорской Публичной библиотеки за 1900 и 1901 годы» (СПб., 1905, стр. 15—16). Дело о напечатании оды хранится в ААН (ф. 3, оп. 1, № 194, лл. 128—137). Там же хранится и текст оды в автографе Поповского с вариантами (разр. II, оп. 1, № 212, лл. 40—44). Из дела видно, что ода была напечатана по распоряжению гр. К. Г. Разумовского для того, чтобы Поповский имел возможность «подать ее при дворе», о чем писал Г. Н. Теплов к И. Д. Шумахеру в письме от 23 ноября 1754 года (там же, № 194, лл. 129—130). Отрывок этого письма напечатан в Акад. изд. соч. Ломоносова, т. II, СПб., 1893, стр. 135 втор. пагин., но неправильно приурочен к стихам Поповского на новый 1755 год. На рукописи Поповского имеется поправка рукою Г. Н. Теплова.

стала образцовой для учеников Ломоносова». Приведа из нее отрывок:

Уже народ наш оскорбленный
В плачевнейшей ночи сидел

Нам в *оном ужасе* казалось,
Что море в ярости своей...

и т. д.,

Л. В. Пумпянский говорит, что «почти буквально повторяет „оний ужас“ Поповский в талантливой оде 1754 г.».¹³⁰

Действительно, в оде Поповского находим следующие стихи:

Мятеся в страхе мысль глубокою,
Представив тот ужасный час

Господь сам сильною рукою
Тебе в час оной помогал,
Он страх и ужас пред тобою
Врагам в смятение послал.

Но помимо этого сближения, ода Поповского содержит в себе и основные мысли Ломоносова о гении Петра и о надеждах на его правнука Павла Петровича, который пойдет, так же как Елизавета, по следам Петра I:

Плоды веселый наших спеют
В приятном Павловском лице

Петрова внука ты блюдися,
Еще растет орел молодой;
Представь их деда пред очами,
Они его пойдут следами,
Растет в потомках предков дух.

У Ломоносова в оде 1754 года на рождение Павла Петровича; в обращении к Елизавете Петровне:

Когда ты на престол достигла,
Петра Великого воздвигла
И жизнь дала ему собой.
Он паки ныне воскресает
Что в правнуке своем дышает
И род в нем восставляет свой.

Наличествует в оде Поповского и тема войны и «тишины» (мира). Поповский, подобно Ломоносову, прославляет Елизавету за прекращение войны (мир с Швециею в 1743 году.), но,

¹³⁰ Л. В. Пумпянский. Ломоносов и Малерб. Сб. «XVIII век», вып. I, Л.—М., 1935, стр. 120. Здесь и в дальнейшем в стихотворных цитатах курсив наш, — Л. М.

так же как и Ломоносов, он говорит о возможной справедливой войне, необходимой для защиты родины, олицетворенной в Елизавете:

И любящи тебя народы
 Через огонь, мечи, пучины, воды,
 Во гневе пойдут на врагов
 Отмстят за злобу их сурову,
 Покажут, что за дочь Петрову
 Всяк кровь свою пролить готов.

Характерен конец оды — о процветании государства, наслаждающегося «тишиной»:

Творец всесильною рукою
 Тебя, богиня, да блюдет,
 Часов спокойных с тишиною
 В России да не пресечет.

И опять возвращение к теме Петра:

И купно под своим покровом
 Престол при племени Петровом
 Недвижимо да сохранит.

Отсутствует в оде Поповского тема просвещения и восхваления наук, особенно сильно звучащая у Ломоносова уже в знаменитой оде 1747 года. Эта тема находится во второй оде Поповского 1756 года, о которой будет сказано ниже.

Нужно сказать, что общая тональность оды 1754 года у Поповского не имеет ломоносовской напряженности и гиперболичности образов. Кроме «оного ужаса», уже отмеченного Пумпянским в связи с абстрактностью одического стиля и «алгебраичностью одического языка, у Поповского находим лишь одно-два места в оде 1754 года, характерных для ломоносовского одического гиперболизма.

Россия жалостно рыдает
 И к небу руки простирает,
 Где права, где — гласит — закон.

Этот гиперболизм Поповского полностью совпадает в данном случае с следующим местом из оды Ломоносова 1747 года:

Тогда божественны науки,
 Через горы, реки и моря
 В Россию простирали руки,
 К сему монарху говоря.

В оде Ломоносова 1742 года:

Там смерть меж Готфскими полками
 И ладны руки простирает,
 Их гордый исторгая дух.

Или другое место из оды Поповского 1754 года:

Так Росския, богиня, грады
 От радости лились слезами,
 Их речи плеск перерывал
 В беседах сладких рассуждали,
 Коль им пресветлый день настал.

С другой стороны, Поповский следует Ломоносову в разработке лексики и синтаксиса. Вот начало оды Поповского:

От тихих солнце вод восходит
 В Россию сквозь багряну дверь,
 Прекрасный день с собой приводит,
 В которой мы Петрову дщерь
 Возшедшу на престол узрели.

У Ломоносова — начало оды 1748 года:

Заря багряною рукою
 От утренних спокойных вод
 Выводят с Солнцем за собою
 Твоей державы новый год.

Есть и обратные лексико-ритмические совпадения; например, в оде Поповского 1754 года:

Шумят поля, лесá и вóды.

У Ломоносова в оде 1757 года:

Поля, лесá, брега́ и вóды.

Эти параллели, которых можно было бы привести большое количество, достаточны для вывода об исключительной близости смыслового и стилистического единства од Поповского как ученика Ломоносова. Идейную и стилистическую близость обоих поэтов — одного, овеванного уже славой, и другого, еще начинающего, — ощущали, конечно, прежде всего их современники. Понятным являются и восторженные отзывы Ломоносова о своем

ученике, понятно и вмешательство в одические упражнения Поповского Г. Н. Теплова, внимательное изучение которым оды Поповского, предшествовавшее передаче ее в печать для поднесения императрице, выразилось во внесении в нее нескольких поправок.

При основании в 1755 году первого для широкой публики журнала Академии наук «Ежемесячные сочинения» в первом же номере появилось третье произведение Поповского, которое значительно позже было приписано Ломоносову и даже пять раз включалось в собрания его сочинений.¹³¹ Это — «Стихи ея императорскому величеству великой и всемилостивейшей нашей монархине» на фейерверк, представленный 1 января 1755 года, начинающиеся стихом: «Где в свете есть народ, земля, страна и царство...».¹³²

На основании бумаг Я. Я. Штелина акад. Н. С. Тихонравов доказал, что стихи эти являются переводом немецких стихов Штелина и принадлежат Поповскому.¹³³ П. П. Пекарский, изучая в 1867 году архивные материалы Академии наук, самостоятельно пришел к тому же выводу, но указал, что они «переведены сначала прозою с немецкого подлинника Штелина Иваном

¹³¹ В изданиях 1778 года (ч. I, стр. 306—307); 1784 года (ч. I, стр. 307—308); 1803 года (ч. I, стр. 307—308); 1847 года (Смирдина), т. I, стр. 273—274; в «Русскую поэзию» С. А. Венгерова, т. I, СПб., 1897, стр. 128. Венгеров исправил свою ошибку, указав в том же издании на стр. 142 примечаний, что стихи принадлежат не Ломоносову, однако, согласно атрибуции П. П. Пекарского, приписал их студенту-поэту Адриану Дубровскому.

¹³² Опубликованы в «Ежемесячных сочинениях» (1755, январь, стр. 25) и в «С.-Петербургских ведомостях» (1755, 3 января, № 1). Вошли также в отдельное издание под заглавием: «Описание и изъяснение великого фейерверка, который в честь ея императорскому величеству Елисавете Первой, самодержице всероссийской и проч. и проч. и проч. и во изъяснение всеподданнейшего и всеусерднейшего при вступлении в новый год поздравления от всех верных подданных Российския империи в Санктпетербурге пред императорским зимним домом на Неве в первый вечер 1755 года сожжен. Печатано в Санктпетербурге при императорской Академии наук», 10 нен. стр. (Сопиков, № 7767). Текст стихов в этом издании помещен на 8 стр. (экземпляр издания имеется в ААН, разр. IV, оп. 1, № 546). Принадлежность этих стихов Ломоносову повторил и В. А. Милютин в своих «Очерках русской журналистики» в «Современнике», 1851, № 1, отд. II, стр. 24 (со ссылкой на издание Смирдина).

¹³³ «Москвитянин», 1853, № 3, отд. IV (вошло в «Сочинения» Н. С. Тихонравова, т. III, ч. 2, стр. 31). Со ссылкой на Тихонравова исправляют эту ошибку: А. С. Будилович. Ломоносов как писатель. СПб., 1871, стр. 43—44; С. И. Пономарев. Материалы для библиографии литературы о Ломоносове. СПб., 1872, стр. 8. Ср.: Г. З. Кунцевич. Библиография изданий сочинений М. В. Ломоносова на русском языке. Пгр., 1918, стр. 130, прим.

Голубцовым, а потом переложены в стихи Дубровским». ¹³⁴ Однако впоследствии Пекарский воздержался от этого категорического утверждения и сослался лишь на вывод Н. С. Тихонравова, ¹³⁵ признав, очевидно, авторство Поповского. Акад. М. И. Сухомлинов также пришел к выводу о том, что «Стихи» эти принадлежат Поповскому. ¹³⁶ Теперь, после произведенного нами нового анализа бывших в руках Пекарского и Сухомлинова документов, можно окончательно подтвердить вывод Тихонравова. ¹³⁷ В архиве Академии наук СССР хранится дело о сочинении и печатании разных стихов Штелина ¹³⁸ и между ними — на новый 1755 год. В этом деле находится и вся переписка по этому вопросу и рукописи переводов Н. Н. Поповского:

1) стихов Штелина на новый 1755 год, начало (л. 405):

Где в свете есть народ, земля, страна и царство...;

2) перевода тех же стихов Штелина, но в копии (лл. 415—416);

3) перевода Поповского надписи Штелина под фигурой при описании фейерверка на новый 1755 год (л. 391 об.):

Тебя, избранная, и верный твой народ
Как прежде, так и в сей хранить я буду год.

Кроме того, нашлись и другие материалы, связанные с этими стихами Штелина: ¹³⁹

1) перевод прозаического текста фейерверка, сочиненного Штелиным на новый 1755 год, сделанный переводчиком Иваном Голубцовым и копия, его же рукою, перевода Поповского стихов Штелина, но без последних шести строк (лл. 26—34 и 34—34 об);

¹³⁴ П. П. Пекарский. Редактор, стр. 36—37 (на основании сличения почерка А. Дубровского). Дубровский, однако, стал переводить оды Штелина с 1755 года после отъезда Поповского в Москву, что произошло позже и о чем будет сказано ниже. С. А. Венгеров включил эти стихи в список сочинений А. Дубровского (см. выше прим. 131).

¹³⁵ П. П. Пекарский, т. II. СПб., 1873, стр. 558, прим. 3. Ср.: Н. В. Губерти. Материалы для русской библиографии, вып. III. М., 1891, стр. 251, прим. 1.

¹³⁶ М. В. Ломоносов, Сочинения, т. II, стр. 134 втор. пагин. Там же (стр. 133—134) напечатан и текст «Стихов» Поповского по рукописи (ААН, ф. 3, оп. 1, 189, л. 405).

¹³⁷ Принадлежность Поповскому перевода этих стихов Штелина подтверждает и сам Штелин.

¹³⁸ ААН, ф. 3, оп. 1, № 189, лл. 323—416. О других стихах Штелина и переводах Поповского, находящихся в этом же деле, говорилось выше, стр. 24—25.

¹³⁹ ААН, разр. II, оп. 1, № 212, лл. 26—36.

2) автограф (Поповского) перевода в стихах надписи Штелина под гербом в описании фейерверка, с латинского языка (лл. 27 и 35):

Тебя, Елисавет, в сей год благославляю,
И подданным твоим всю милость обещаю.¹⁴⁰

Никаких следов участия Ломоносова в этой работе Поповского не находится. Тем не менее уже самый факт того, что с 1755 по 1853 год, т. е. в течение ста лет, эти стихи Поповского были приняты за произведение Ломоносова, свидетельствуют о том, насколько Поповский уже в 1755 году проникся стилистической манерой Ломоносова (приведение параллелей нам представляется излишним). Во всяком случае, в сознание читателей они вошли тогда как неотъемлемая часть поэтического наследия Ломоносова.

В конце 1753 года заботы Ломоносова о своем ученике увенчались, наконец, успехом, выразившимся в том, что Поповский получил место конректора Академической гимназии, хотя Ломоносов и предназначал ему место ректора. К этому времени относится записка Ломоносова для журнала специально образованной тогда Комиссии «для отрешения излишеств» от Академии наук: «Дабы Академическая гимназия была учителями нужными удовольствована, а от излишеств освобождена, — писал он, — то должно определить ректора, Николая Поповского, конректором Филиппа Яремского».¹⁴¹ Инспектор гимназии акад. С. П. Крашенинников с своей стороны еще после смерти ректора Ротгекера в августе 1753 года представлял на его место студента и учителя Гимназии Назара Герасимова. Но президент гр. К. Г. Разумовский орденом 23 декабря 1753 года сделал следующее распоряжение: «Определяется конректором гимназии студент Николай Поповский».¹⁴² При этом ему было поручено «обучать ректорский класс» в Гимназии, с освобождением от «перевода ученых дел», слушания лекций у профессора философии и обучения «живым языкам» (как то было постановлено в отношении других магистров — Барсова, Яремского и Констан-

¹⁴⁰ Это двустишие опубликовано три раза в тех же изданиях, где печатались и «Стихи» Поповского, при описании фейерверка (см. выше, прим. 132).

¹⁴¹ П. С. Билярский, стр. 779; П. П. Пекарский, т. II, стр. 564.

¹⁴² Д. А. Голстой. Академическая гимназия в XVIII столетии. СПб., 1885, стр. 30—32; ААН, ф. 3, оп. 9, № 20. В «Словаре» митрополита Евгения (ч. II, стр. 131), в биографии Поповского ошибочно сказано, что он 16 ноября 1758 года «взял отставку от Университета и определялся было, по ходатайству Ломоносова, конректором при Гимназии С.-Петербургской Академии наук».

тинова), так как он «будет учеников обучать».¹⁴³ 23 декабря Поповский и был на этих условиях постановлением Канцелярии АН утвержден конректором Академической гимназии.¹⁴⁴ Впрочем, в этой должности Поповский пробыл недолго. В 1755 году с основанием Московского университета перед ним открылись большие возможности самостоятельной деятельности в новом высшем учебном заведении в России.

Известно, какое большое участие принимал Ломоносов в организации этого величественного государственного дела. И если официальным основателем университета в силу своего особого положения при дворе императрицы оказался И. И. Шувалов, то инициатором и вдохновителем этого начинания был Ломоносов, которому принадлежит и разработка детальной программы будущего университета и всей его внутренней структуры и постановки дела преподавания. В 1764 году Ломоносов сам писал о том, что он «первую причину подал к основанию помянутого корпуса» и был «участником при его учреждении».¹⁴⁵ Достаточно ознакомиться с замечательным письмом его к И. И. Шувалову от июня—июля 1754 года с изложением его «мнения о учреждении Московского университета», чтобы оценить, насколько глубоко и тонко он разрабатывал вопросы, связанные с этим большим делом.¹⁴⁶ В этом письме Ломоносов благодарит Шувалова за присылку черного экземпляра его доношения в Правительствующий Сенат (слушанного 19 июля 1754 года)¹⁴⁷ и излагает подробный план всего учреждения. По справедливому мнению В. Е. Якушкина,¹⁴⁸ Ломоносов и составлял тот план Университета, который был приложен при доношении Шувалова. Во всяком случае, в основу этого плана положены те

¹⁴³ ААН, ф. 3, оп. 9, № 20.

¹⁴⁴ ААН, ф. 3, оп. 1, № 464, л. 706.

¹⁴⁵ П. С. Билярский, стр. 197; В. И. Ламанский. Ломоносов и Петербургская Академия наук. М., 1865, стр. 69.

¹⁴⁶ «Московский телеграф», 1825, ч. V, № XVIII, сентябрь, стр. 133—136; П. С. Билярский, стр. 269—271. Письмо это с приложением других документов об основании Университета напечатано в издании «Речи и стихи, произнесенные в торжественном собрании императорского Московского университета июня 26 дня 1830 года» (М., 1830, стр. 80—81 и сл.). В напечатанном там же «Слове» М. П. Погодина говорится, что Университет был основан «на краеугольной мысли Ломоносова по ходатайству Шувалова» (стр. 121). Ныне письмо к И. И. Шувалову помещено под № 45 в кн.: М. В. Ломоносов, Полн. собр. соч., т. X, Изд. АН СССР, М.—Л., 1957, стр. 510—516 — *Прим. Ред.*

¹⁴⁷ См. текст его в названном издании «Речи и стихи» (стр. 82—84).

¹⁴⁸ В. Е. Якушкин. Из первых лет жизни Московского университета. «Русский филологический вестник», 1902, № 3—4, стр. 147—152.

же самые начала, которые кратко перечислены в названном письме Ломоносова. Осуществленное при открытии Университета распределение кафедр совпадает с тем, какое предлагал Ломоносов в этом письме, за исключением того, что Кафедра поэзии была соединена с Кафедрой красноречия, а Кафедра древностей с Кафедрой истории, отчего и оказалось не 12 кафедр, предложенных Ломоносовым, а 10 кафедр. И. Ф. Тимковский, например, прямо утверждает, со слов И. И. Шувалова, что «с ним он <Ломоносов> составлял проект и устав Московского университета. Ломоносов тогда много упорствовал в своих мнениях и хотел удержать вполне образец Лейденского с несовместными вольностями».¹⁴⁹ Влияние Ломоносова сказалось и на общей постановке научного преподавания, получили отражение идеи Ломоносова и в «Положении» Университета 1755 года, приложенном к доношению Шувалова в Сенат и затем опубликованном при указе Сената 24 января 1755 года и подписанном императрицей 12 января того же года.¹⁵⁰

Когда перед Шуваловым, назначенным первым куратором Университета, возник вопрос о заполнении новых университетских вакансий, он мог надеяться получить подготовленных русских ученых лишь из Академического университета. Был использован и другой путь — приглашение профессоров из-за границы (из Лейпцига), переписка велась через акад. Г. Ф. Миллера.

6 февраля 1755 года Шувалов обратился к Разумовскому с письмом, в котором просил прислать в Университет трех русских магистров, Поповского, Барсова и Яремского, для занятия учительских мест в Университетской гимназии. И. М. Снегирев

¹⁴⁹ «Русский архив», 1874, кн. 1, стлб. 1453; Билярский, стр. 138.

¹⁵⁰ Полный печатный текст указа 24 января 1755 года с «Приложением» опубликован в «Полном собрании законов Российской империи», т. XIV, № 10. 346; ср.: П. П. Пекарский, ч. II, стр. 565—569; С. П. Шевырев. История императорского Московского университета, М., 1855, стр. 8—17; И. М. Снегирев. Действия Московского университета в первом периоде его существования (с 1755 по 1762 год). «Ученые записки императорского Московского университета», ч. IV, М., 1834, май, № XI, стр. 330—364; на латинском языке напечатано в названном издании «Речи и стихи» (М., 1830, стр. 39—79); А. В. Половцев. Ломоносов и основание Московского университета. «Московские ведомости», 1905, № 12; П. И. Бартенев. И. И. Шувалов. «Русская беседа», 1857, т. I, кн. V, отд. «Биографии», стр. 26—34; Русский биографический словарь, том «Шебанов—Шютц», СПб., 1911, стр. 478 (в биографии И. И. Шувалова); Б. Л. Модзалевский. Ломоносов. Академия наук. Московский университет. Изд. 2-е, СПб., 1912, стр. 165—176; «Ученые записки Московского государственного университета». Юбилейная серия, вып. L, История, М., 1940, стр. 8—10 и др.

утверждает,¹⁵¹ что Поповского и Барсова рекомендовал Шувалову Ломоносов. На самом деле всех трех названных магистров ему рекомендовал Теплов, как это видно из названного письма Шувалова. Эту рекомендацию со стороны Теплова можно объяснить, с одной стороны, тем, что Теплов и сам Шувалов знали молодых ученых с хорошей стороны и Теплов желал услужить Шувалову, а с другой стороны, удаление из Академии Наук сразу трех прекрасно подготовленных русских магистров «ломоносовской» ориентации наносило Ломоносову чувствительный удар в отношении использования в самой Академии им подготовленных специалистов, о чем Ломоносов заботился в течение многих лет. Именно в это время между Ломоносовым и «Коварником», как он называл Теплова, неприязненные отношения достигли своего предела, и 23 февраля 1755 года на заседании Конференции между ними и произошло то крупное столкновение по вопросу пересмотра академического регламента 1747 года, которое закончилось их публичной ссорой.¹⁵²

Под влиянием Теплова К. Г. Разумовский в ответном письме Шувалову 8 февраля 1755 года согласился на просьбу Шувалова, хотя и указывал, что делает это неохотно, и лишь потому, что молодые ученые для нового университета все же будут необходимее, чем для Академии наук.¹⁵³

Поповский выехал к месту своей новой службы,¹⁵⁴ между серединой февраля и серединой марта 1755 года, и на этом пре-

¹⁵¹ И. М. Снегирев, ук. соч., стр. 335—336. П. П. Пекарский правильно указывает, но без ссылки на источник, что названные магистры были отосланы в Московский университет по просьбе И. И. Шувалова (П. П. Пекарский, Редактор, стр. 35).

¹⁵² В. И. Ламанский. Ломоносов и Петербургская Академия наук. М., 1865, стр. 94—95; письмо Ломоносова к Шувалову 10 марта 1755 года (П. С. Биллярский, стр. 288—289) и его рассказ (там же, стр. 171—172).

¹⁵³ Письмо Шувалова от 6 февраля и ответ Разумовского от 8 февраля опубликованы в биографии А. А. Барсова М. И. Сухомлиновым в его «Истории Российской академии» (вып. IV, СПб., 1878, стр. 193 и 478—479). Подлинники хранятся в ААН, ф. 3, оп. 1, № 196, лл. 132—133; ср.: П. П. Пекарский, Редактор, стр. 35.

¹⁵⁴ Точная дата его отъезда неизвестна. Канцелярия АН еще 23 февраля 1755 года представила в Конференцию АН «к обучению в Академической гимназии верхнего латинского класса» на место Поповского студента Андреяна Дубровского («Протоколы», т. II, стр. 324, 15 марта 1755 г.; ААН, ф. 1, оп. 2—15 марта 1755 г., № 5; ср. ф. 3, оп. 1, № 196, л. 138), а 17 марта 1755 года занесла в протокол своего заседания, что по требованию И. И. Шувалова «для определения в Московский университет отосланы из Академии магистры Николай Поповский, Филипп Яремский и Антон Барсов, а потребно при Академии иметь такого человека, который бы довольны имел знания в математике, но за отсылкою оных Поповского с товарищами (которые к тому были способны) других определить некого» (ААН, ф. 3, оп. 1, № 466, л. 85).

кратилась его служебная и литературная деятельность в Академии наук и вообще в Петербурге.

26 апреля 1755 года в торжественной обстановке состоялось открытие Московского университета.¹⁵⁵ К этому времени Н. Н. Поповский был назначен ректором Университетской гимназии и в этот день начал курс лекций речью на латинском языке «о содержании, важности и круге философии».¹⁵⁶ Эта замечательная по тому времени речь была тогда же напечатана по инициативе Ломоносова на русском языке в «Ежемесячных сочинениях» (август, стр. 177—186),¹⁵⁷ под заглавием: «Речь, говоренная в начатии философских лекций при Московском университете гимназии ректором Николаем Поповским». Ее рукопись, послужившая оригиналом для набора, сохранилась до нашего времени и носит на себе следы ее внимательного чтения Ломоносовым, как это удалось нам установить еще в 1937 году.¹⁵⁸ Вследствие большого значения как самой речи, так и факта чтения ее Ломоносовым необходимо рассмотреть ее более подробно.

Впервые на эту речь обратил внимание В. А. Милютин в своих «Очерках русской журналистики, преимущественно старой», анализируя содержание «Ежемесячных сочинений».¹⁵⁹ Он писал: «Речь эта, написанная с целью доказать важность и пользу философии, имеет гораздо более литературных, чем учебных достоинств. Она написана языком для того времени довольно чистым и плавным. Но в ней весьма замечательно одно место, показывающее, что намерение Поповского читать философию на русском языке казалось тогда чрезвычайно странным и почти неисполнимым. Схоластики того времени полагали, что преподавать философию и писать об этой науке можно не иначе,

¹⁵⁵ В «С.-Петербургских ведомостях» (1755, № 39) и в «Ежемесячных сочинениях» (1755, февраль, стр. 103—110), напечатан указ от 24 января 1755 года об основании Университета. См. также: «Le Caméléon littéraire», 1755, № 19, стр. 436—439 (письмо из Москвы); ср.: С. П. Шевырев. История, стр. 17.

¹⁵⁶ И. М. Снегирев, ук. соч., стр. 337. У митрополита Евгения в «Словаре» (ч. II, стр. 132) она озаглавлена: «Речь о пользе и важности теоретической философии».

¹⁵⁷ В других экземплярах, на стр. 167—176. По тексту «Ежемесячных сочинений» «Речь...» перепечатана позже в издании: Речи, произнесенные в торжественных собраниях императорского Московского университета русскими профессорами оного; с краткими их жизнеописаниями. Изданы Обществом любителей российской словесности, ч. I, М., 1819, стр. 9—17.

¹⁵⁸ ААН, разр. II, оп. 1, № 217, лл. 419—425 (раньше лл. 446—453; см.: Л. Б. Модзалевский. Рукописи Ломоносова в Академии наук СССР. Л., 1937, стр. 127, № 338). Рукопись писана писарским почерком и, помимо поправок Ломоносова, имеет одну поправку Поповского.

¹⁵⁹ «Современник», т. XXVI, 1851, № 3, март, отд. 2, стр. 3—6.

как на языке латинском». Поповскому, действительно, принадлежит здесь афоризм, от которого не отказался бы и сам Ломоносов: «Нет такой мысли, кою бы по-русски изъяснить было не возможно». Вся остальная часть речи и содержит в себе систему доказательств этого тезиса. Приведя затем значительный отрывок из речи Поповского, Милютин добавляет: «В наше время, конечно, смешно бы было доказывать то, что доказывал в своей речи Поповский. В наше время справедливость этой мысли никто не вздумает и опровергать. Но в половине XVIII столетия такая мысль была, без сомнения, смелою и счастливою новостью».¹⁶⁰ «Исполненный веры в великое умственное назначение Отечества и изведав опытом силы языка родного, — говорит С. П. Шевырев, — Поповский первый в Московском университете призывал науку наук выражаться по-русски». Этот призыв, добавим мы, был первым не только в Университете, но и первым в России вообще, выраженным так афористически. И прав Шевырев, говоря, что афоризм Поповского следовало бы вырезать на его памятнике золотыми буквами.¹⁶¹ За эту идею Поповский боролся до конца жизни, открыто сражаясь с группой немецких профессоров, сторонников преподавания философии на латинском языке. К 1767 году Московский университет имел уже в своем составе шесть русских профессоров, которые получили в нем свое образование. Идея Поповского получила у них горячую поддержку. Их общими усилиями удалось в результате сломить сопротивление иностранцев. Дело было доведено до сведения императрицы Екатерины II, посетившей в 1767 году Москву, и директор Университета поэт М. М. Херасков в письме к С. М. Кузьмину 13 февраля писал следующее: «При всеподданнейшем поднесении университетских каталогов, ея императорское величество оказать соизволила высочайшее свое желание, при чем и вы находились, чтоб лекции, при Университете на российском языке преподаваемы были». Херасков просил далее, чтобы это «высочайшее намерение», будучи «утверждено письменно», «уже навсегда твердым узаконенным» осталось. Херасков добавлял, что «Русские профессоры и доктора, читая лекции по-русски, пользу отечеству и честь и славу наук основательнице принесут. Между тем юридические лекции на сей неделе по-русски читать начнутся».¹⁶² Из этого письма акад. М. И. Сухомлинов, впервые его

¹⁶⁰ Там же, стр. 4, 5 и 6.

¹⁶¹ С. П. Шевырев. Словарь, ч. II, стр. 309 и 310.

¹⁶² М. И. Сухомлинов. История Российской академии, т VII. СПб., 1885, стр. 27—28.

опубликовавший, сделал, однако, неверный вывод, утверждая, что только с именем М. М. Хераскова «связано введение русского языка в университетское преподавание».¹⁶³ Если, действительно, Хераскову принадлежит заслуга продвижения этого вопроса в жизнь, то это облегчалось тем, что вопрос этот к тому времени достаточно назрел. Настоящая же заслуга в этом деле принадлежит Н. Н. Поповскому. С. П. Шевырев точно сформулировал это еще в 1855 году: «В 13 лет своего существования Московский университет совершил важный подвиг, и мысль первого русского в нем профессора, Поповского, была исполнена».¹⁶⁴ 15 января 1768 года в «Московских ведомостях» (№ 5) появилось сообщение: «С сего 1768 года в императорском Московском университете для лучшего распространения в России наук, начались лекции во всех трех факультетах *природными россиянами на российском языке*».¹⁶⁵

Хотя о задачах преподавания философии в понимании Поповского и об его философских взглядах отчасти уже говорилось выше необходимо вновь коснуться этих вопросов в связи именно с этой речью. Представляя себе философию как науку в виде великолепного храма всей вселенной, Поповский утверждал, что все другие науки зависят от нее: она — «мать всех наук и художеств». «Хотя она в частные и подробные всех вещей рассуждения не вступает, однако дальнейшие и самые общие правила, правильное и необманчивое познание природы, строгое доказательство каждой истины, разделение правды от неправды от нее одной зависит». Иначе говоря, Поповский настаивал на философском обосновании всех наук — мысль по тому времени не новая, но основанная на новейших достижениях передовой философской мысли середины века. Далее, говоря о значении преподавания философии, Поповский считает, что на формирование мышления влияние философии особенно благотворно сказывается у людей, отошедших от религии, возвращая их путем познания и исследования законов и явлений природы к богопознанию. Необходимость изучения философии для Поповского состоит в том, что она убеждает атеистов в существовании бога «правильным и необманчивым познанием природы». В этом обос-

¹⁶³ Там же, стр. 27, М. М. Херасков об этом же писал 19 ноября 1767 года в Петербург к куратору В. Е. Адодурову (С. П. Шевырев. История, стр. 140—141).

¹⁶⁴ С. П. Шевырев. История, стр. 141.

¹⁶⁵ Там же, стр. 141; ср.: Ф. А. Витберг. Ревнители русского слова. ЖМНП. 1899, январь, стр. 76—78.

новании и соединении философии и религии Поповский выступает как философ-деист.¹⁶⁶

Поправки Ломоносова в рукописи речи Поповского можно разделить на три категории: поправки ошибок переписчика, лексические и стилистические изменения и изменения по существу. Первая группа не представляет интереса. Ко второй категории относятся, например, такие поправки: в заглавии вместо «Речь, говоренная при начатии философии» — «Речь, говоренная в начатии философических лекций при Московском университете»; вместо «очеса» — «очи»; вместо «Такой тяжелой доступ» — «Какой тяжелой доступ»; вместо «прочим» — «прочтчим»; вместо «ничтожной» — «малой»; вместо «неспокойного мира философии» — «неспокойства философии»; вместо «не неповинно» — «не безвинно»; вместо «по окончании заслуг» — «по окончании трудов»; вместо «заохочены» — «поощрены», и др. В основном — это сглаживание славянизмов, которых в прозе у Поповского вообще больше, чем у Ломоносова.

Гораздо интереснее и важнее поправки по существу. Говоря о том, что от философии «зависят все познания, она мать всех наук и художеств», Поповский в рукописи добавил: «познание всех вещей в нее едину собрано». Последнюю фразу Ломоносов исключил как несоответствовавшую его пониманию естественно-научного познания природы. Как последовательный философ, опытным путем познававший явления видимого мира, Ломоносов не мог согласиться с этой мыслью Поповского, признававшего познание «всех вещей» только через философское умозрение. Также значительна и другая поправка Ломоносова. Поповский, говоря о философии как науке, которой «подвержено рассмотрению» всё «что ни есть под солнцем» (даже «сокровенные созданий роды лежат перед ее глазами»), в рукописи утверждал также, что «она есть великий океан, от которого озера, реки, источники происхождение свое имеют и к ней паки возвращаются». Отчеркнув эту фразу дважды на полях и зачеркнув ее, Ломоносов написал сбоку: «ложь». Такая постановка вопроса шла вразрез с естественно-научным мышлением

¹⁶⁶ Густав Шпет, между прочим, не совсем правильно утверждает, что из речи Поповского не видно, «каковы собственные философские взгляды оратора, какова его философская подготовка, какие задачи должно преследовать философское преподавание». Шпет говорит, что «об этом красноречивый профессор не считает нужным сообщить, а увидеть это читателю самому за блеском элоквиции нет никакой возможности. Прославившийся переводами и оригинальными одами, Поповский через год (в мае 1756) был назначен профессором красноречия, что, видимо, и соответствовало его способности и научной подготовке» (Г. Шпет. Очерк развития русской философии, ч. I—II. 1922, стр. 56).

Ломоносова, который не мог принять подобного объяснения природных явлений. Эти поправки Ломоносова важны для понимания его философских взглядов. Они свидетельствуют еще раз о том, что для него материальный, видимый мир является объективной реальностью. «Материалистические позиции Ломоносова в учении о природе находят яркое отражение и в его настойчивом и последовательном стремлении объяснить материальные явления на основе законов природы».¹⁶⁷ Может создаться впечатление, что в основном вопросе мировоззрения Поповский расходился с Ломоносовым. Однако то обстоятельство, что он легко согласился с удалением этого пункта, свидетельствует, что данное место в его речи было только неудачным поэтическим образом, а не твердым и незыблемым принципом.

Характеризуя эту речь Поповского, неизвестный автор биографии его 1819 года¹⁶⁸ отмечал, что «если ораторский слог Ломоносова был образцом силы и великолепия, то философский язык Поповского мог служить примером ясности и чистоты. Никто из его современников не писал языком, столько сходным с нынешним, уже образованным в обществе людей просвещенных».

Речь Поповского была явлением действительно замечательным, так как это была вообще первая вступительная речь профессора русского университета и притом произнесенная на русском языке перед началом учебных занятий. Новаторство Поповского перекликается здесь с новаторством Ломоносова, который способствовал появлению этой речи в печати. Речь Поповского стала тем самым первой печатной профессорской речью в России. Таким образом, Поповский как новатор и прогрессивный профессор должен занимать в истории русской науки и просвещения в России одно из первых мест среди ученых его времени.

Деятельность Н. Н. Поповского в Московском университете еще мало изучена и пока приходится ограничиваться теми материалами, которые были использованы С. П. Шевыревым

¹⁶⁷ Предисловие Г. Васецкого к книге: М. В. Ломоносов, Избранные философские сочинения, М., 1940, стр. XV.

¹⁶⁸ См.: Речи, произнесенные в торжественных собраниях императорского Московского университета русскими профессорами оного с краткими их жизнеописаниями. Изданы Обществом любителей Российской словесности, ч. I, М., 1819, стр. 7—8.

в его трудах по истории Московского университета¹⁶⁹ и некоторыми другими печатными источниками, очень немногочисленными.

Выступив в Московском университете с таким триумфом с речью «в начатии философических лекций», Поповский вошел в новый научный и литературный кружок преподавателей Университета, внося в него тот ломоносовский дух, который на многие годы воцарился затем в стенах этого нового рассадника просвещения. Д. И. Фонвизин впоследствии вспоминал, что свою любовь к русской литературе он приобрел именно в этом учебном заведении, в котором обучался с его основания. Он писал: «Я должен с благодарностью вспоминать университет. Ибо в нем, обучась по-латыни, положил основание некоторым моим знаниям. В нем научился я довольно немецкому языку, а паче всего в нем получил я вкус к словесным наукам. Склонность моя к писанию явилась еще в младенчестве, и я, упражняясь в переводах на российский язык, достиг до юношеского возраста». ¹⁷⁰ Большое впечатление произвела на Фонвизина и личная его встреча с Ломоносовым в январе 1758 года в Петербурге, куда он вместе с директором Университета И. И. Мелиссино и другими лучшими учениками отправился для представления куратору Университета И. И. Шувалову. Об этой встрече Фонвизин рассказал следующее: «Через несколько дней директор представил нас куратору. Сей добродетельный муж, которого заслуг Россия позабыть не должна, принял нас весьма милостиво и, взяв меня за руку, подвел к человеку, которого вид обратил на себя почтительное мое внимание. То был бессмертный Ломоносов! Он спросил меня: чему я учился? „По-латыни“, — отвечал я. Тут начал он говорить о пользе латинского языка с великим, правда сказать, красноречием». ¹⁷¹ Автор первой биографии Фонвизина, П. А. Вяземский пишет по этому поводу: «В числе разительнейших впечатлений, пробудивших внимание 14-летнего отрока в приезд его в Петер-

¹⁶⁹ С. П. Шевырев. История; С. П. Шевырев. Словарь, части I и II. К сожалению, предпринятый С. П. Шевыревым «Биографический словарь питомцев Московского университета» остался незаконченным и не увидел света (см. Д. Д. Языков. Одно из неоконченных предприятий С. П. Шевырева. «Исторический вестник», 1906, № 10, стр. 247—250; Б. Л. Модзалевский. Автобиография С. Е. Раича. «Русский библиофил», 1913, кн. VIII, стр. 5—7).

¹⁷⁰ «Чистосердечное признание в делах моих и помышлениях» (Сочинения, письма и избранные переводы Д. И. Фонвизина, под ред. П. А. Ефремова, СПб., 1866, стр. 534).

¹⁷¹ Там же, стр. 537—538; С. П. Шевырев. История, стр. 65—66.

бург, была встреча у Шувалова и знакомство с человеком, который мог бы один служить выражением русской образованности, столь же внезапной, как и оң, с человеком, неприготовленными событиями и ознаменовавшимся в ученом мире явлением столь же самовластным, как и Петр Великий в мире государственном, — с Ломоносовым... Может быть, встрече с Ломоносовым и смеху, порожденному игрою актера Шумского, обязаны мы наиболее, что в Фонвизине имеем писателя, а от него хорошие комедии».¹⁷² Во всяком случае, еще до этой поездки в Петербург Фонвизин, конечно, многое мог узнать о Ломоносове еще в Москве от Н. Н. Поповского, одного из своих учителей сперва в философии, а затем и по русской литературе. Так могла возникнуть та литературная связь между Петербургом и Москвой, которая затем в 1757 году дала повод говорить Ломоносову об образовании «нового московского Парнаса». В литературе о Фонвизине существует неправильное, на наш взгляд, представление, что наибольшее влияние на него в его студенческие годы оказал профессор университета Рейхель. Нам кажется, что можно говорить с полным правом о том, что на формирование поэтического гения Фонвизина могла оказывать и, вероятно, оказывала влияние русская часть профессуры Университета во главе с Поповским, А. А. Барсовым и Ф. А. Яремским как учениками Ломоносова. Живая связь Фонвизина с Ломоносовым через этих учеников могла заложить в сознание Фонвизина то русское национальное начало, которое затем творчески перевоплотилось в гениальных произведениях автора «Бригадира» и «Недоросля».

26 апреля 1756 года Университет праздновал свою годовщину актом, на котором Поповский говорил новую речь на русском языке и читал новую оду. Речь была тогда же напечатана.¹⁷³ По отзыву Шевырева, Поповский «в описании добродетелей государыни» «подражал» в этой речи «учителю своему Ломоносову». Однако Шевырев не увидел в ней других мыслей Поповского, перекликающихся с мыслями Ломоносова о русской национальной культуре и науке, о воспитании новых поколений русских людей: «Несказанное веселие видеть граждан ко всякому званию, ко всякой должности способных, понятных и искусных, которым всякое дело монарх надежно поверить и поручить может, не имеет нужды заимствовать от других стран

¹⁷² П. А. Вяземский, Полн. собр. соч., т. V, СПб., 1880, стр. 20—21.

¹⁷³ У В. С. Сопикова (№ 10723) она озаглавлена как «Слово в день коронации императрицы Елисаветы Петровны Николая Поповского» (М., 1756) Такого издания нам не удалось видеть. См. ниже, прим. 175.

разумных художников, мужей ученых к удовольствованию своего народа необходимо потребных». И далее: «О! какую радость, какое ощущаем мы веселие, возбуждаемы надеждою, что увидим вожделенные плоды сего новонасажденного винограда; что дождемся блаженного оною времени, когда из сего премудрого государынею учрежденного места произойдут судии правду от клеветы отделяющие; полководцы на море и на земле спокойство своего отечества утверждающие; когда процветут здесь мужи, закрытыя природы таинства открывающие».¹⁷⁴

Отпечатанная тогда же ода Поповского озаглавлена «Ода ея императорскому величеству всемилостивейшей государыне императрице Елизавете Петровне самодержице всероссийской, которою в высочайший день коронации ея священнейшего величества искреннее свое усердие и благодарность засвидетельствует императорский Московский университет, апреля 26 дня 1756 года. Печатано при императорском Московском университете» («Начни шумящею трубою...»)¹⁷⁵ Эту речь и оду слушали студенты Д. И. Фонвизин и Г. А. Потемкин, получившие в этот день поощрительные награды.

¹⁷⁴ С. П. Шевырев. Словарь, ч. II, стр. 310—311; С. П. Шевырев. История, стр. 20—21. Неизвестный автор биографии Поповского 1819 года считал эту речь также «более подражанием красноречию Ломоносова» (Речи, произнесенные в торжественных собраниях императорского Московского университета, стр. 7—8). Отрывки из нее цитировал в своей юбилейной речи в день основания Московского университета 12 января 1855 года С. П. Шевырев (Историческая записка, речи, стихи и отчет императорского Московского университета, читанные в торжественном собрании 12-го января 1855 года по случаю его столетнего юбилея. М., 1855, отд. II, стр. 3—4). См. также замечания сенатора К. Н. Лебедева в его «Записках» («Русский архив», 1888, кн. III, стр. 254—255).

¹⁷⁵ 4^о, 8 нен. стр. Ср.: Сопиков, № 7175. Описание см.: Б. Л. Модзалевский. Ломоносов. Академия наук. Московский университет. 2-е изд., стр. 171—172, № 926. Речь (без заглавия, см. выше, прим. 173) и ода Поповского (с указанным заглавием), произнесенные 26 апреля 1756 года, составляют, кроме того, издание без упоминания имени Поповского, под заглавием: «Высочайший день коронации ея императорского величества всемилостивейшей государыни императрицы Елисаветы Петровны самодержицы всероссийския публичным собранием празднует императорский Московский университет апреля 26 дня 1756 года. Печатано при императорском Московском университете» (см.: Сопиков, № 12884). Это издание 1756 года хранится в Библиотеке Академии наук СССР под шифром: «XVIII в., № 1756/1», рукопись оды неизвестна. Речь под заглавием «Торжественное слово на высочайший день коронации ея императорского величества государыни императрицы Елисаветы Петровны 26 апреля 1756 г.» воспроизведена в издании Общества любителей российской словесности в Москве: Речи, произнесенные в торжественных собраниях императорского Московского университета русскими профессорами оною, с краткими их жизнеописаниями, ч. I, М., 1819, стр. 18—34.

Так же, как и ода Поповского 1754 года, эта вторая оригинальная его ода представляет образец мастерского восприятия Поповским сущности одической поэзии Ломоносова. В отличие от первой, новая ода насквозь проникнута чисто ломоносовским прославлением наук. Кроме того, она посвящена новому московскому Парнасу или Геликону, т. е. храму науки — Московскому университету, с одной стороны, и московским музам — с другой.

Согласны песни Аполлон
Елисаветиной хвалою
Наполни новой Геликон.
Московски музы, лиру стройте

.....
Дщерь нову милость к вам <т. е. Музам> явила,
Когда жилище учредила
В преславном граде вам, в Москве.

Обращаясь далее к музам, Поповский говорит об Елизавете, которая «с тишиной» «льет в сердца отрады»:

Готовит щедрые награды,
Приемлет в собственный покров
И вас в России умножая,
Через вас науки расширяя,
Являет вид и дух Петров.

Далее, говоря музам, что

Москва представит вам героев
И храбры россия полки,

Поповский вновь обращается к Петру Великому, мудрости которого будет следовать Россия:

Россия, вид являя новой,
Пример даст мудрости Петровой
Любовь к народу, правда, суд
И кроткой дух в Елисавете
С хвалою во всем гласятся свете.
Коль славной предлежит вам труд!

В последних строках характерно подчеркивание «кроткого духа» в Елисавете, которым она должна руководиться в государственном управлении.

Затем Поповский вновь возвращается к теме процветания наук, сравнивая Петербург с Москвою:

Как крин цветут науки в них.

Музы

Надеждой мысли веселятся,
 Представив вожделенной час,
 Как с невскими соединятся
 Вознесть московским музы глас,
 Наполнят воздух шумом новым
 И купно с именем Петровым
 Елисавету возгласят.

Далее, говоря о науках, находящихся в России еще только в младенческом возрасте, Поповский вновь употребляет характерный ломоносовский образ наук, «простирающих руки» к монарху в благодарность за насаждение наук в России:

Младенчествующи науки
 Тебе, монархия, гласят,
 К тебе свои простерши руки
 И немотствуя говорят.

Представляет интерес для характеристики поэзии Поповского последний оксюморон — «И немотствуя говорят», т. е. молча говорят.

Чисто по-ломоносовски звучит строфа о «недоброхотах», которые завидуют похвалам по отношению к другим:

Иные зависть производят
 В недоброхотах похвалы,
 Иные в жизни честь находят,
 По смерти страждут от хулы.
 Сия заслуга всем любезна,
 Чужим мила, своим полезна.
 Живущих беспритворна честь
 По смерти славу оставляет
 И память в веки продолжает,
 Ей зависть не вредит и леств.

Поповский подчеркивает важность для живущих «беспритворной чести», которая оставляет после смерти славу и остается в памяти людей. Таким не может повредить ни зависть, ни леств.

Все эти примеры ломоносовского стиля в оде Поповского свидетельствуют о том, что новый московский Парнасс получил в лице Поповского действительно достойного последователя Ломоносова. Успехи его на литературном и научно-педагогическом поприще, конечно, воспринимались Ломоносовым с глубоким удовлетворением. В Поповском он видел достойного себе преемника. Так воспринимали эту преемственность и их современники, высказываясь и о Ломоносове и о Поповском в этом плане уже после их смерти.

В том же 1756 году состоялось определение Поповского профессором красноречия, о чем было напечатано в «Московских ведомостях»: «Сегодня в 11 часов поутру в Московском университете при собрании магистров, учителей и учеников в Канцелярии оного Университета объявлен был магистр Николай Поповский при том же Университете профессором красноречия».¹⁷⁶ Кафедра красноречия, или элоквенции, входила тогда в состав философского факультета.¹⁷⁷ Поповский с этого времени занимал ее до конца своей жизни, а затем (в 1761 году) ее получил его товарищ по Академическому университету А. А. Барсов.¹⁷⁸

«Как профессор элоквенции Поповский объяснял слушателям Саллюстия, основания слога излагал по Гейнекцию, риторику по Эрнестию. Правила сей последней он объяснял частию примерами, почерпнутыми из писателей, частию своими практическими опытами. Ни на одном писателе особенно не останавливался, но старался объять всех поэтов, ораторов и историков и объяснял в них достойное изучения; кроме того, упражнял студентов в переводах с латинского языка на русский и обратно».¹⁷⁹ Нам удалось разыскать объявление о лекциях Поповского «в последнюю половину 1757 года», где говорится, что «в большой аудитории... пополудни по понедельникам, вторникам, четвергам и пятницам 3 и 4 часы Николай Поповский элоквенции профессор толковать будет латинских стихотворцев, историков и ораторов, Гейнекциевы основания чистого штиля и правила риторические Эрнестовы, изъясняя их примерами или выбранными из знатнейших авторов, или нарочно сочиненными. Сверх того задавать будет разные мате-

¹⁷⁶ «Московские ведомости», 1756, 10 мая, № 5; С. П. Шевырев. Словарь, ч. II, стр. 311. В «Словаре» митрополита Евгения показана дата: 2 мая (т. II, стр. 131).

¹⁷⁷ См.: С. П. Шевырев. История, стр. 56—57.

¹⁷⁸ Там же, стр. 31 и 86; М. И. Сухомлинов. История Российской академии, вып. IV. СПб., 1878, стр. 194—195.

¹⁷⁹ С. П. Шевырев. Словарь, ч. II, стр. 318. Подобные сведения о преподавании Поповского по «Каталогу» лекций за январь 1757 года напечатаны, например, на латинском языке в издании: Речи и стихи, произнесенные в торжественном собрании императорского Московского университета, июня 26 дня 1830 года. М., 1830, стр. 97. Перечень таких «каталогов» лекций за 1757—1760 г. см. в книге: Б. Л. Модзалевский. Ломоносов. Академия наук. Московский университет. Изд. 2-е, СПб., 1912, стр. 166—169, №№ 897—915. Содержание курса риторики профессора Лейпцигского университета Иоганна-Августа Эрнести (1707—1781) см.: М. И. Сухомлинов. История Российской академии, вып. IV, стр. 195—199; ср.: В. Е. Якушкин. Из первых лет жизни Московского университета. Русский филологический вестник, 1902, № 3—4, стр. 155.

рии для сочинения и переводы с русского на латинский и с латинского на русской».¹⁸⁰ Таким образом, претворялись в жизнь в Московском университете уроки, воспринятые Поповским у его учителей в Академии наук, акад. Х. Крузиуса и акад. В. К. Тредиаковского, отчасти Ломоносова.¹⁸¹

Учеником Поповского, помимо Д. И. Фонвизина, несомненно был также Н. И. Новиков, учившийся в Университете в 1758—1759 годах.¹⁸² Он впоследствии принимал меры к увековечению памяти своего учителя. Безусловно учились у Поповского и известные ученые С. Г. Зыбелин и П. Д. Вениаминов.¹⁸³ собеседник Вольтера Б. М. Салтыков,¹⁸⁴ дипломат Я. И. Булгаков,¹⁸⁵ поэт И. Ф. Богданович, директор Академии наук С. Г. Домашнев и некоторые другие.

День восшествия на престол императрицы Елизаветы 6 сентября 1756 года был отмечен Университетом, как это полагалось, специальным заседанием. Здесь Поповский произнес речь «О презияществе красноречия». Выбором такой темы он ознаменовал свое новое назначение.¹⁸⁶ Возможно, что Поповскому принадлежит и напечатанная к этому дню Ода, начинающаяся стихом: «Умолкните теперь стихии. . .»¹⁸⁷

К 1756 году относится также замечательное по тому времени оригинальное произведение Поповского: «Письмо о пользе наук и о воспитании во оных юношества», обращенное им к И. И. Шувалову.¹⁸⁸ Оно написано, несомненно, под формаль-

¹⁸⁰ «Объявление, какие лекции в которые дни и часы читаны быть имеют публично в императорском Московском университете в последнюю половину сего 1757 года» (БАН, Отдел редкой книги), стр. 6 (нен.).

¹⁸¹ См. выше, стр. 115 и след.

¹⁸² См. при статье Б. Л. Модзалевского о С. Е. Раиче воспроизведение 154-й страницы из «Биографического словаря питомцев Московского университета» с началом биографии Н. И. Новикова («Русский библиофил», 1913, № VIII, стр. 5).

¹⁸³ С. П. Шевырев. История, стр. 135.

¹⁸⁴ Л. Б. Модзалевский. Собеседник Вольтера Б. М. Салтыков и два его новых письма. Сборник ЛГУ «Вольтер», под ред. М. П. Алексеева, Л., 1947, стр. 174—184.

¹⁸⁵ «Русский архив», 1898, кн. 1, стр. 29—30.

¹⁸⁶ С. П. Шевырев. История, стр. 25. Текст речи, к сожалению, неизвестен. Объявление см.: Б. Л. Модзалевский. Ломоносов. Академия наук. Московский университет, стр. 173—174, № 933.

¹⁸⁷ Там же, № 919. Разыскать оду не удалось.

¹⁸⁸ Опубликовано единственный раз после смерти Поповского под заглавием: «Письмо о пользе наук и о воспитании во оных юношества, писанное покойным профессором Поповским к его превосходительству Ивану Ивановичу Шувалову при заведении Московского университета, 1756 года» в журнале Н. И. Новикова «Живописец» (1772, лист 8, стр. 57—64; то же, в воспроизведении первого издания, ч. первая, СПб., 1898, издание А. С. Суворина, стр. 50—58).

ным воздействием «Письма» Ломоносова «о пользе стекла», 1752 года, также обращено к Шувалову, но короче его в два раза. Самое название его и содержание имеют ярко выраженный дидактический характер. Собственно «о пользе наук» в «Письме» говорится мало; оно содержит главным образом мысли о воспитании юношества путем воздействия на духовное и телесное развитие молодежи:

Ты к славе, Меценат, надежней путь избрал,
 Что Мусы возлюбил, что зреть их предприял:
 Обычаем худым, растленной нашей воле
 Чем можно пособить и чем исправить боле?
 Сие осталось *едино* врачество,
 Душевный исцелить недуг и естество.

Основная мысль: ребенок имеет «семена естественных доброт, которы дать могли б плоды своих красот», но худые примеры окружающих

Доброту красную естественных даров
 В противну сторону напрасно преклоняют.

Отсюда

Так ложны мнения в младый ум впечатленны
 Не трудно могут быть на долго вкорененны

С другой стороны:

Опека добрая, прилежное ученье,
 Пример похвальных дел, честное обхождение
 Незараженное сообществом худым,
 Все может произвести в младенцах, что хотим.
 Сие и добрую природу утверждает,
 И склонную ко злу способно исправляет.

Однако Поповский сознает:

Но много ли таких родителей сыскать,
 Чтоб честности детей старались наставлять?

Подобных родителей мало, а потому воспитание подрастающего поколения должно подвергнуться общественному воздействию. Поповский обращается затем к меценату, прославляя его за основание Московского университета и за взятое им на себя попечение об исправлении неправильного домашнего воспитания:

Сие родителей о детях небреженье
 Чрез собственное ты об оных попеченье,
 Стараешься теперь исправить Меценат!

Един ты обще всех приял в опеку чад,
 Представив мудрый твой совет Петровой дщери:
В Минервин храм отверз российский детям двери
 И случай подал им свой разум просвещать:
Познанием наук себя обогащать.

Таким образом, педагогические идеи Поповского, перекликающиеся с изданиями Ж. Ж. Руссо и Локка, были на уровне передовых воспитательных идей середины XVIII века и позволяют считать его одним из ранних предшественников в России педагогической деятельности И. И. Бецкого.

Со стороны стилистической «Письмо» Поповского интересно как разрабатывающее ломоносовский язык и стиль вплоть до его гиперболизма и «громоподобия». Последнее особенно ярко выражено в его первой части, рассматривающей различные способы достижения бессмертия. Начало «Письма», с другой стороны, совпадает по замыслу с последней частью оды Поповского 1756 года, о которой говорилось выше:

Различны, Меценат! к бессмертию дороги:
 Иный повергнув тьмы людей себе под ноги,
Чрез раны, через кровь, чрез кучи бледных тел,
Развалины градов, сквозь дым сожженных сел,
 Отверз себе мечем путь к вечности кровавой,
 И с пагубой других достиг бессмертной славы;
 Но плач и вопль сирот, и стон оставших жен,
 Родителей печаль, и треск упавших стен
Гремящую трубу их славы заглушает
 И ясно проникать в слух смертных воспящает.
 Другой, подняв верхи ужасных пирамид
Превыше тучь, где ветер и буря не шумит,
 Потомству по себе мнит память тем оставить,
 И имя чудными громадами прославить

и т. д.¹⁸⁹

Но затем, при переходе к изложению основных взглядов Поповского на задачи воспитания, стиль становится менее напряженным, в отличие от ломоносовского «Письма о пользе стекла», сохраняющего эту стилистическую напряженность и метафоричность на всем его протяжении.

В оде 1756 года, как отмечалось, Поповский подчеркивает важность для живущих «беспритворной чести», которая оставляет после смерти славу и остается в памяти людей. То же находим и в «Письме» Поповского:

Но много ли таких мы найдем на земле,
 Чтоб честность предпочли напрасной похвале;
 Чтобы имели дух и сердце благородно,

¹⁸⁹ Курсивом выделены нами обороты, характерные для стиля Ломоносова.

И не смотрели бы на мнение народно;
 Чтоб не прельщались ни суетной хвалою,
 Не оскорблялись бы безумною хулой;
 Чтоб совести одной и правде угождали,
 И на бесстрастный бы потомства суд взирали

Чтоб твердо верили, что все дела честныя
 Хоть в жизни хуляются от ненависти злая,
 Иль меньше хвалятся по существу заслуг:
 Но как из брэнного изыдет тела дух,
 Тогда им должная цена постановится,
 И мрачным никогда забвеньем не затмится!

«Ода» и «Письмо» Поповского написаны почти одновременно в 1756 году.

В начале 1757 года была образована впервые Конференция Университета для управления его делами; в нее вошли три асессора — М. И. Веревкин, князь Хованский и М. М. Херасков и три профессора — Н. Н. Поповский, Ф. Г. Дильтей и И. Г. Фроман. Заседания ее начались 24 февраля,¹⁹⁰ и Поповскому поручен был надзор за студентами «как человеку, усердия к Университету исполненного»,¹⁹¹ о чем писал к Шувалову М. И. Веревкин.¹⁹² Дирекция Университета настаивала также на том, чтобы должность инспектора Гимназии была поручена русскому профессору, которому «природный язык давал возможность входить в прямые сношения с учениками и ближе наблюдать за их поведением». Н. Н. Поповский тяготился этими обязанностями, так как они отвлекали его от его ученых и литературных занятий, и в 1759 году он отказался от должности инспектора.¹⁹³ Принимая в 1758 году эту должность 13 августа, в начале занятий в обеих гимназиях Поповский говорил «речь на российском языке о том, коль многотрудна есть должность учащих, есть ли оную исправлять по надлежащему».¹⁹⁴

По назначению Конференции Поповский, как исполнительный чиновник и профессор элоквенции, говорил в публичном собрании Университета 6 марта 1757 года похвальное слово умершему первому директору А. М. Аргамакову, который, однако, этого вовсе не заслуживал, так как злоупотреблял университетскими суммами и привел в расстройство университет-

¹⁹⁰ С. П. Шевырев. История, стр. 26—27

¹⁹¹ Там же, стр. 28.

¹⁹² С. П. Шевырев. Словарь, ч. II, стр. 318.

¹⁹³ С. П. Шевырев. История, стр. 58—59; С. П. Шевырев. Словарь, ч. II, стр. 319—320.

¹⁹⁴ «Московские ведомости», 1758, 14 августа, № 65.

ские финансы.¹⁹⁵ Есть также указание на то, что в начале июня при начале публичных экзаменов, происходивших по приказанию И. И. Шувалова, Поповский говорил еще одну речь.¹⁹⁶

1 ноября 1757 года, в день рождения Шувалова, на обеде у нового директора И. И. Мелиссино было открыто первое заседание Московского литературного общества при Университете, организованного по мысли Мелиссино. В состав этого Общества вошел и Поповский, который прочел на первом заседании русскую оду.¹⁹⁷ «Слушатели были многочисленны, — говорит Шевырев, — между ними и высшее духовенство». Так образовался в Москве «Новый Парнасс».¹⁹⁸ «Мысль Мелиссино, здесь являющаяся только в слабом зародыше, — говорит С. П. Шевырев, — исполнена была позднее (в 1771 г.) учреждением Вольного российского собрания, когда он сам получил уже место второго куратора при Университете».¹⁹⁹

В январе 1758 года, как говорилось выше, И. И. Мелиссино ездил в Петербург с группой лучших студентов для представления их И. И. Шувалову. В этой поездке его сопровождал и Поповский.²⁰⁰ Фонвизин тем самым неотлучно находился при своем учителе. При Поповском произошло и его знакомство

¹⁹⁵ С. П. Шевырев. Словарь, ч. II, стр. 318; С. П. Шевырев. История, стр. 28; Н. С. Тихонравов, Сочинения, т. III, ч. 2, СПб., 1898, стр. 22 и 303; Черты из истории императорского Московского университета. Московский городской листок, 1847, № 15, стр. 60. В «Московских ведомостях» (1757, 11 марта, № 20) сообщалось: «Сего марта 6 дня пред полуднем, в Московском императорском университете в большой аудитории при собрании многих любителей наук элоквенции профессор господин Поповский читал речь похвальную покойному онго университета директору господину Аргамакову». Текст этого похвального слова неизвестен.

¹⁹⁶ С. П. Шевырев. История, стр. 28; С. П. Шевырев. Словарь, ч. II, стр. 318—319: «Сего июня 3, то есть в прошедшей вторник, — сообщалось в «Московских ведомостях», — в Московском императорском университете учинено начало экзаменов как студентам, так и ученикам обеих гимназий. По причине сего читаны были в большой аудитории две речи: одна на российском языке профессором элоквенции господином Поповским .., к слушанию которых приглашенные, напечатанною нарочно на российском и латинском языках программю, любители наук, собрались того числа в 4 часа пополудни в великом множестве, причем были некоторые и дамские персоны» (1757, 6 июня, № 45). Текст и этой речи Поповского неизвестен.

¹⁹⁷ Она также неизвестна.

¹⁹⁸ М. М. Херасков в первом собрании Общества тоже читал свои стихи.

¹⁹⁹ С. П. Шевырев. История, стр. 52; М. И. Сухомлинов. История Российской академии, вып. IV, стр. 213; вып. VII, СПб., 1885, стр. 126—127.

²⁰⁰ С. П. Шевырев. История, стр. 79, прим. 48 и стр. 80, прим. 52.

с Ломоносовым.²⁰¹ Поповский уже в это время был в неладах с иностранной частью профессуры Московского университета. Он не желал, так же как и Ломоносов в Академии наук, уступить иностранцам свое старшинство в Конференции Университета. Отсюда возникали споры и пререкания, в результате которых Поповский начал с 1758 года избегать посещения заседаний.²⁰² Особенно напряженными у Поповского стали отношения с профессором Ф. Г. Дильтеем. Дошло до того, что Поповский отказался подписать ему аттестат для возобновления с ним университетского контракта, срок которого перед этим истек. Поповский не одобрял назначения Дильтея профессором Университета. В этом случае могли иметь место и личные побуждения. Поповскому могли стать известными те инсинуации Дильтея, которые он изложил в своем письме к Г. Ф. Миллеру, сообщая ему, что Поповский отправился в Петербург с целью оклеветать профессоров перед Шуваловым в их пьянстве и что он сам предается этому пороку.²⁰³ Из сохранившегося чернового письма Миллера видно, что последний, однако, отрицал это, уверяя Дильтея, что Поповский ничего подобного в Петербурге не говорил.²⁰⁴ С другой стороны, на отношения Поповского к профессорам-иностранцам могли влиять и расхождения их по вопросу о введении в Университете преподавания философии для некоторых учеников на русском языке, чего так страстно добивался Поповский именно в это время (см. выше). 17 сентября 1758 года он поставил этот вопрос на заседании Конференции уже официально. Однако остальные четыре профессора (Дильтей, Фроман, Керштенс и Шаден) решительно высказались против этого нововведения. Поповский оказался один против четырех и потерпел поражение.²⁰⁵ Мы видели выше, что эта мысль Поповского получила реальное воплощение лишь значительно позже.

27 апреля 1758 года в связи с днем коронации императрицы (25 апреля) в Московском университете было празднество «при

²⁰¹ Отсюда следует, между прочим, что Ломоносов лично знал И. И. Мелиссино еще с января 1759 года. Их знакомство подтверждается письмом Мелиссино к М. И. Веревкину от 12 октября 1783 года (см. в статье Д. С. Бабкина. «Биографии М. В. Ломоносова, составленные его современниками» в сб.: Ломоносов. Под ред. А. И. Андреева и Л. Б. Модзалевского, т. II, Л., 1946, стр. 26 и 27, прим. 1).

²⁰² С. П. Шевырев. История, стр. 56; С. П. Шевырев. Словарь, ч. II, стр. 319

²⁰³ С. П. Шевырев. История, стр. 79, прим. 48.

²⁰⁴ Там же.

²⁰⁵ Там же, стр. 57—58; С. П. Шевырев. Словарь, ч. II, стр. 319, где изложены некоторые подробности.

многочисленном собрании знатных особ», на котором в большой аудитории Н. Н. Поповский «говорил речь на российском языке о преимуществе монархии пред аристократиею и демократиею», о чем было сообщено в «Московских ведомостях» 28 апреля.²⁰⁶ Хотя текст этой речи неизвестен, но, судя по заглавию ее, можно сделать вывод, что политические воззрения Поповского определялись, так же как и Ломоносова, программой «просвещенного абсолютизма». Идеал «просвещенного монарха», наделенного абсолютной властью, — это идеал большинства прогрессивных деятелей той эпохи, в особенности поэтов-классицистов, каковым являлся Поповский как ученик и последователь Ломоносова.

В начале 1760 года Московский университет напечатал новую книгу Поповского, вышедшую под заглавием: «О воспитании детей, господина Локка. Переведено с французского на российский язык императорского Московского университета профессором Николаем Поповским. Печатано при императорском Московском университете 1759 года» (4 нен. + 148 стр.). То же, часть II, 1760 года (266 стр.). Обе части вышли одновременно, о чем сообщалось в «Московских ведомостях» 15 февраля 1760 года.²⁰⁷

Этот новый перевод с французского, начатый, несомненно, еще в 1756 году, когда писалось «Письмо о пользе наук», показывает, что Поповский шел в ногу с философской педагогиче-

²⁰⁶ «Московские ведомости», 1758, 28 апреля, № 34. Речь эта, к сожалению, не сохранилась и неизвестно, была ли она тогда опубликована. Неизвестный автор биографии Поповского 1819 года (см. выше, прим. 168) утверждает, что, кроме двух речей (1755 и 1756 годов), речи Поповского напечатаны вообще не были

²⁰⁷ «Императорского Московского университета в Книжной лавке продается переведенная с французского языка профессором элоквенции господином Поповским и при оном Университете напечатанная книга аглинского писателя Локка о воспитании детей, в двух томах, в осьмую долю листа, ценою экземпляр по одному рублю без переплету». Ср: Сопиков, № 6009 (с указанием одного года издания — 1760). В 1788 году «Типографической компанией» Н. И. Новикова этот перевод был переиздан. Описание 2-го издания дано В. П. Семенниковым в его книге: Книгоиздательская деятельность Н. И. Новикова и Типографической компании. Прг., 1921, стр. 119, № 786 (Сопиков, № 6010). В «Росписи» А. Ф. Смирдина первое издание показано под 1759 годом (№ 1450). Судя по объявлению в «Московских ведомостях» (см. выше) первое издание книги (1759—1760) появилось в продаже в момент смерти Н. Н. Поповского. Несомненно, что его переводом книги Локка воспользовалась Екатерина II при составлении инструкции для Н. И. Салтыкова о воспитании великих князей Александра и Константина Павловичей, в 1784 году (см.: Д. А. Толстой Взгляд на учебную часть в России в XVIII столетии до 1782 года. СПб., 1885, стр. 84—85, 91—100; П. М. Майков. Иван Иванович Бецкой. Опыт его биографии. СПб., 1904, стр. 49).

ской мыслью своего времени. Перевод Поповского приблизил педагогические идеи Локка к русскому читателю. В своем введении «К читателю» Поповский говорит о том, что хотя «критические умы» находят в Локке «неизвестно какой недостаток» и что его педагогические правила созданы специально для англичан, тем не менее, на взгляд переводчика, эти правила могут с успехом быть приняты и другими народами. «Правила г. Локка, — говорит Поповский, — почти везде могут употребляемы быть с великим успехом. Предмет его был тот, чтобы показать, каким образом детей честных родителей готовить в пользу отечества». Хотя Локк и «рассуждает только о воспитании детей знатного роду», но, по мнению Поповского, «и незнатные могут теми же правилами пользоваться, оставляя то, что с их обстоятельствами несходно, прочее потребными отменами приноравливая к своему состоянию». В истории педагогических идей XVIII века перевод Поповского должен занять подобающее ему место, что, к сожалению, до сих пор не сделано нашими историками русской педагогической мысли.

13 февраля 1760 года Н. Н. Поповский умер.²⁰⁸

²⁰⁸ Единственное указание на точную дату его смерти находится в работе Спада: Spada. *Ephémérides Russes poétiques, littéraires, historiques et nécrologiques*, t. I, стр. 199. Имеется указание (Сопиков, № 6480), что Поповскому принадлежит перевод или составление книги под заглавием: «Наставление для пехотных офицеров, каким образом приводить в оборонительное состояние разные посты, замки, кладбища, церкви, деревни, города и местечки, со многими таблицами», изданной в Москве в 1786 году (указание на первое издание этой книги в 1760 году в Москве находится в «Описи библиотеки гр. Шереметева, сгоревшей в 1812 г.», СПб., 1833, стр. 423, № 1548). Насколько это указание достоверно, судить, однако, трудно.